

Андрей Тильга

1. [Адвентуризм¹ за рубль в сутки](#)
2. [Витя + Оля = любовь](#)
3. [Зона знаний](#)
4. [Иран](#)
5. [Как я был Андреем Соколовым](#)
6. [Летальные объятия](#)
7. [Пилаты](#)
8. [Тельбесский провал](#)
9. [Тузик](#)
10. [Тяма ученого](#)
11. [У брода](#)
12. [Чимкентский каботаж](#)

Адвентуризм² за рубль в сутки

Преимущество рюкзака перед чемоданом мне довелось осознать в 10 лет, при отправке в пионерский лагерь. Я полулежал на сшитом мамой заплечном мешке, а другие пионеры, подпрыгивая на фибровых чемоданчиках, то и дело соскальзывали на голые доски пола. Особенно убедительно преимущество вещмешка проявилось, когда колонна «полуторок» съехала с асфальта на колдобины просёлочных дорог. В итоге у того пионера пострадала *пятая точка*, а у этого – продавился чемоданчик; в моём рюкзаке, благодаря удачной укладке под присмотром бати-рыбака, сохранилась в целости даже хрупкая целлулоидная мыльница.

В 12 лет в том же лагере после парочки однодневных походов я впервые попал в настоящий многодневный поход. Палатки и другое походное имущество досталось нести вожатым, а пионеры несли свои тёплые вещи, запасную обувь, одеяло, миску-кружку-ложку, долю общих продуктов и что-нибудь сугубо личное: фонарик, нож-складешок, удочку... Думаю, килограммов шесть-семь набиралось.

На лесной тропе мы в правильную сторону отклоняли ветки, чтобы не хлестало по лицам идущих следом товарищей; предупреждали их о бревне под ногами и, не наступая, грамотно его перешагивали. На стоянках весело подчинялись команде «Мальчики – налево, девочки – направо!», без топора выламывали сухой хворост для костра, учились разводить огонь *с одной спички* и ставить палатку. В палатке знали, куда что разместить, сколько одеял стелить вниз, а сколькими сообща укрываться.

Где-то после восьмого класса у меня уже был покупной рюкзак (почти абалаковский) и вибрамы, мама сшила нам с братом Саней штормовки и снабдила грубошёрстными одеялами, батя уступил свою двухместную палатку и котелок. К концу школы в активе было несколько самостоятельных маршрутов в окрестностях Новокузнецка, включая два сплава на плотах. Брат мало в чём отставал и имел почти такой же «послужной список», хотя был на два с половиной года моложе.

* * *

В студенчестве сложилась устойчивая команда туристов с костяком из выпускников нашей школы. География походов постоянно расширялась; мы побывали в таких глухих

¹ Adventure (*англ.*) – приключение, риск, авантюра, переживание. Tourism (*англ.*) – туризм.

² Adventure (*англ.*) – приключение, риск, авантюра, переживание. Tourism (*англ.*) – туризм.

местах Горной Шории, где группу людей с рюкзаками принимали за геологов. Расширение географии достигалось выбором всё новых пунктов А и Б, дистанцию между которыми предстояло пройти пешком или на плотках; досадная необходимость добраться от дома до пункта А и от пункта Б до дома учитывалась (чисто формально, не более) при расчёте сухого пайка и денег на билеты.

По мере освоения *технологии автономного проживания вдали от дома* сложилось представление, что в любом месте мы не пропадём, было бы где поставить палатку, найти чистую воду и сушняк для костра, а всё прочее необходимое мы несём с собой. Представление, возможно, несколько самоуверенное, но оно позволяло планировать малобюджетные походы по формуле *«рубль на рыло в сутки + стоимость проезда в жёстком вагоне»*.

Такого рода походы на Байкал и Иссык-Куль состоялись чуть позже, а в 1966 году мы с Саней побывали на Чёрном море. По экипировке и малому бюджету поход был близок к типичному – впрочем, с тремя отличиями: в команде всего два человека; пункты А и Б слились в одной точке, и этой точкой стала Алушта; десяти тысячный километраж общего расстояния от дома до Алушты и обратно не позволил отнестись к нему с прохладцей. Вот речь и пойдёт о конкретных обстоятельствах, из-за которых обратный путь перестал быть пустой формальностью.

* * *

Нам сказали, что справа от Алушты (если лицом к морю) есть Черновские Камни и дикий пляж, и мы направились прямо туда. Довольно близко к берегу подходит склон, густо заросший кустарником, а в нём спрятались десятка полтора палаток таких же, как мы, диких туристов.

С трудом, но нашлось место и для нашей палатки. Пока мы его искали, старожилы не проявляли приветливости – отправляли куда подальше, неопределённо махнув рукой, а стоило нам осесть – тут же сделались доброжелательными. У них что-то вроде коммуны, многие приезжают не первый год, живут дружно, следят за чистотой и порядком, даже есть дежурные. Предупредили о главной проблеме: периодической *зачистке* берега от дикарей. Мол, Южный берег Крыма – это вам не курорт, а приграничная полоса: «Турция – во-он она!». Хотя никаких ограждений и указателей «Запретная зона» мы не увидели.

Ощущения полной безопасности, разумеется, не было. На пляже или в городе – тоже: в любой группе из трёх-четырёх парней следовало, по аналогии с новокузнецкими пляжами, подозревать желающих проверить твои карманы. На всякий случай часть денег мы *заначили* на склоне.

Мы почти всё время проводили на пляже; обедали в какой-нибудь забегаловке, а на ужин и завтрак покупали что-нибудь к чаю, который кипятили на маленьком очаге; питьевую воду приносили издалека; хворост и щепки собирали по дороге. То есть на деле реализовывали принцип *малозатратного отдыха*.

* * *

Однажды возвращаемся мы с харчишками и дровишками, а на подходе к пляжу стоят вооружённые карабинами пограничники: всех впускают, никого не выпускают. Из кустов слышен командный голос офицера, перекрываемый разноголосьем дикарей; по верхней кромке склона там и сям возвышаются над кустами зелёные фуражки оцепления. Мы кинулись к своей палатке – быстренько собраться, *прикинуться шлангом* и как-нибудь прошмыгнуть на волю...

Что за дела! Прежнего порядка как не бывало: палатки повалены, всё разбросано, туристы нервно укладывают рюкзаки. Мы стали проверять свои вещи – кое-что пропало, в том числе одна из двух денежных заначек (25 рублей), припрятанная в хитром, как нам казалось, месте. Судя по всему, кто-то *из своих* не погнушался воспользоваться общим бардаком и методично обшарил нашу стоянку. Досада и труднореализуемое желание найти вора спутали наши мысли и лишили воли к сопротивлению следующей угрозе.

А пограничники действовали не спеша, но чётко; уже в темноте они сомкнули на пляже цепь окружения. Тут к Черновским Камням подошёл военный катер, и в свете его прожекторов нас сбили в колонну (с детьми набралось человек пятьдесят) и под конвоем повели в Алушту, в отделение милиции. Усадили в общей комнате и пропускали по одному: проверяли документы, записывали в журнал, штрафовали (с меня взяли 10, а с Сани – 5 руб.) и выпроваживали.

Товарищи по несчастью нарочито шумно препирались с представителями власти, мол, какая же это запретная зона, если она не огорожена? При этом особенно не расстраивались и по мере выхода на волю тут же растворялись в темноте южной ночи – видимо, ситуация было им привычна, *тариф* устраивал, и они имели план, как продолжить пляжную жизнь вплоть до следующей облавы.

Мы с Саней *выпали из обоймы*: четырёхчасовая нервогрёпка помножилась на сожаления об утрате существенной части наличности. Для начала мы уселись на ближайшей скамейке, утолили голод сухим пайком, а жажду – водой из питьевого фонтанчика, а затем обсудили своё положение. Признались сами себе, что потерю 40 рублей не вернёшь и что с ней надо как-то смириться и преодолеть 5 200 км до дома. Поскольку малобюджетная формула *«рубль на рыло...»* уже не выполнялась, с отдыхом пришлось закругляться.

Определившись в главном, мы успокоились; нашли сияющее огнями, но закрытое на ночь здание автовокзала; недолго думая, расстелили палатку в тени ближайших кустов и завалились спать, укутавшись одеялами. Когда солнце нас разбудило, мы в *зеркально-кафельных* условиях шикарного автовокзала совершили утренний туалет по расширенной программе (с мытьём головы) и двинули троллейбусом в Симферополь.

* * *

Ночной поезд до Днепропетровска нас устраивал: в городе на Днестре тогда жила наша родная тётя; было очевидно, где сделать первую остановку.

На перроне шумела пёстрая толпа. Нас жгло желание хотя бы частично отыгаться на железной дороге за свои финансовые потери, но надо было оценить обстановку и уяснить, насколько наш азиатский опыт³ может быть перенесён на европейскую почву. У перил курил *хлопчик* примерно нашего возраста, показавшийся нам подходящим консультантом. Мы, якобы увлечённые своими разговорами, прислонились к перилам рядом с хлопчиком, а потом обратились к нему с вопросом: «Как тут у вас дела с зайцами?». Хлопчик нас отлично понял и ответил «Тю-ю!»: мол, билеты брать «не трэба». Все контролёры – на пляже, и транспортный ажиотаж начнётся позже, ближе к концу августа. И, как вскоре выяснилось, он был прав: за ночь проезда никакой проверки не было.

Эта удача помогла нам забыть недавние огорчения, и мы решили не признаваться тёте в финансовых затруднениях и завершить маршрут с оставшейся наличностью.

* * *

Опишу, не особо вдаваясь в подробности, как удалось реализовать это решение.

Мы были уверены, что в Днепропетровске нас будут провожать на вокзале, поэтому купили билеты, но не до Москвы, а до Харькова. Вагон был полупустой. Проводница выслушала нашу душещипательную историю с саркастической гримасой, но почему-то открыла для нас *глухой* тамбур. Мы тщательно вымели пол, соорудили кокон из палатки, одеял и тёплых вещей и спали до самой Москвы.

Весь день гуляли по Москве, а к ночи приехали на Казанский вокзал. Присмотрели поезд с проводниками в форме студенческого стройотряда. Двое из них внаглую зазывали безбилетников, вот к ним-то мы и проникли аккуратно через соседний вагон и сразу же улеглись спать на третьих полках. Вагон был забит до отказа. Появились контролёры, с которыми наши проводники расплачивались, видимо, по числу голов. Счёт не сошёлся, нас *вычислили*. Контролёры принялись радостно ржать над жадными, но обманутыми

³ Про незапланированный безбилетный проезд в Мундыбаш читай «Как я был Андреем Соколовым».

проводниками, те расшвыряли и высадили нас на первой же станции. Я полагаю, этих мнимых студентов с повадками рапторов⁴ поразила мысль об уязвимости схемы *бизнеса*: без нашего признания как бы они вычислили, кто именно не заплатил? Но мы предпочли не налететь. А не заплатили при посадке – так это вышло само собой.

Сойдя на перрон, мы тут же купили два билета (помню как сейчас: по 80 коп., до ст. Ночка) на ближайший поезд и сели в полупустой вагон. Почти сразу появился какой-то весь замученный контролёр; он недолго нас мурьжил, не дослушал нашу легенду и устало махнул рукой проводнику: «Пусть едут!». Доехали до Челябинска.

В Челябинске мы выбрали почтово-пассажирский *пятьсот-весёлый*, делающий остановки у *каждого столба*. Мы с Саней ещё на перроне пристроились к шумной группе из нескольких девчат и двух молодых парней. При посадке была дикая давка. Мы приглядели открытое окно и втроём подсадили в него Саню, потом пару девчат, чтобы держали места, и закинули все вещи; сами с остальными девчатами вошли через дверь. Получилось просто идеально; девчата были благодарны. Они – студенты техникума связи, ехали на практику на разные станции Транссиба. При проверке билетов спрятали нас под сиденьями. После этого мы спокойно, хотя и медленно, зато в хорошей компании, доехали до Новосибирска. Бежали за кипятком, угощались домашними вареньями-печеньями.

На «Алтайке» (ст. Новосибирск-Южный) мы легко проникли в вагон без билета, но у проводницы тоже глаз намётанный, и она велела не расслаживаться, а сойти на ст. Разъезд Иня; уговорили довести до ст. Инская, через которую, как мы знали, должен был пройти скорый московский поезд. Нам уже надоело ловчить; до дома оставалось совсем немного; денег хватало (сэкономили мы достаточно), так что мы купили билеты в плацкартный вагон и спали на свежих простынях до самого Новокузнецка.

* * *

Спустя сорок шесть с половиной лет эта одиссея живо вспоминается со всеми подробностями – приятными и мучительными. Но есть ли чем гордиться? Не могу сказать, что во всём мы были на высоте. Да, обходились малым, следуя принципу малобюджетного туризма, и самостоятельно выкручивались из неприятных ситуаций. Верен ли сам принцип? К радости турагентств, миллионы людей понимают туризм совершенно иначе.

(2013)

[*В начало*](#)

Витя + Оля = любовь

Витька жил в соседнем подъезде и учился в параллельном классе, но знакомы мы с ним были лет с пяти. Их семья жила в двухкомнатной квартире, и у Витьки с детства была своя комната. Тётя Рая разрешала нам с братом Саней приходить к ним домой поиграть и всегда угощала чем-нибудь. Помню занавесочки, кружавчики и идеальную чистоту. Витькин отец мне тоже нравился, он чем-то на нашего был похож.

Витька всегда проявлял склонность к смелым и сомнительным проделкам. Поддаваясь на его инициативы, мы «оттягивались» – цеплялись крючками за притормаживающие на повороте грузовики, чтобы прокатиться на коньках или просто на подшитых валенках по обледеневшей дороге. Летом без спроса и, конечно, «зайцами» ездили на трамвае купаться на «Второй мостик» – неизвестного назначения канаву с едва заметным течением, в которой вода прогревалась значительно лучше, чем в Томи. В соседнем новом доме был низкий цоколь, и, пока одни стояли «на атасе», другие могли посадить самого лёгкого, чтобы тот дотянулся до окна и приклеил кусочком пластилина нитку с гайкой, а потом за другую нитку можно было дёргать, чтобы гайка стучала о стекло.

Далеко не всегда проделки сходили с рук. Помню, я не заметил водителя, который схватил меня сзади за шкуру, а другой рукой – за задницу и перекинул через оградку мордой

⁴ Raptor (*лат.*) – хищник; похититель, грабитель.

в сугроб. Младшие пацаны, воодушевлённые нашей операцией с «гайкой по стеклу» и решившие её повторить, были пойманы и вздuty бдительными жильцами.

Вынужденные отказаться от одних «шкод», мы устраивали другие – и только отчасти это объяснимо отсутствием настоящих мячей для футбола (играли сдувшимися резиновыми) или клюшек для хоккея (обходились самодельными или обломками со стадиона «Металлург»). «Настоящие» стали относительно доступны только в конце нашего детства.

Выдумывая всё новые проделки, сам Витька быстро остывал к ним. Зато воодушевлялся, если кто-то пытался возражать или уклоняться: он подымал их на смех. Возражавшие и уклонявшиеся от проказ пацаны терялись. Нередко из-за этого срывалась наладившаяся было игра. Мне приходилось быть бдительным за двоих и лавировать, так как Сане Витькины инициативы обычно нравились. Только мой одноклассник Лёвка всегда решительно разворачивался и молча уходил, если начинались подобные споры. Тогда игры, особенно спортивные, уж точно разваливались – без Лёвки какая же игра?

Однажды (нам было лет по 10) во дворе появилась некая дама – ярко накрашенная и надушенная, вся в шляпках, бантиках и турнюрах; по нашим понятиям – «муля». И стала на улице тискать Витьку, причитать «Витенька, сыночек!» и совать какие-то подарки. Витька вырывался, как волчонок. Потом появился Витькин отец и увёл эту даму – всю в слезах и соплях. Он что-то объяснил соседям, и нам потом сказали, что это родная Витькина мать, и добавили нечто нелестное про её личные качества. Витька лез в драку, если его о ней спрашивали, обзывал тётю Раю мачехой, стал плохо учиться и остался на второй год, убежал из дома к бабке в деревню Калачёво и всё в том же роде. Постепенно успокоился, но прежним уже не стал.

Как-то раз он напросился к нам домой, когда родители были на работе, и давай звонить по телефону, набирая произвольно номер, и говорить всякое гадости. Я среагировал не сразу, и непонятным для меня тогда образом наш номер «засекли», позвонили, назвали нашу фамилию и сказали, что знают отца. Я пытался «уйти в несознанку», но моего признания не требовалось; поняв это, я не знал, куда деваться от стыда и досады, а Витька тем временем смылся – полагаю, весьма довольный собой.

* * *

Мы выросли, начинали интересоваться девочками, по крупницам набирали немудрёный мальчишеский «любовный» опыт. Как и нас, девочек-ровесниц было немного, но за нами шла волна послевоенного «бэби-бума». Лёвка первый разглядел очаровашек 1949 года рождения, когда в одну смену с нашим одиннадцатым классом перешло сразу четыре восьмых класса. Витька, который к тому времени уже учился в техникуме, слышал наши разговоры о новых подружках. Он стал ходить на школьные вечера и, перебрав несколько вариантов, ближе к лету ловко заморочил голову некой Ольге из соседнего двора.

Вообще-то меня интересовали другие, но и с этой девочкой я тоже пару раз танцевал и довольно чётко её помню. Нежная кожа, тёмные завитки волос, шейка, ушко, ямочка на щеке, грудка, попка, ножки – всё при ней. Витька постоянно с ней перед нами крутился. Не знаю, какие они вели разговоры наедине, но при нас он через слово спрашивал «ты меня любишь?» да «ты не обиделась?» и всё в том же духе, далёком и от поэзии, и от здравого смысла. Впрочем, кто ж его знает: может, чем проще, тем эффективнее?

У девочки – гормоны; было очевидно, что она влюбилась и имела все основания считать, что любовь взаимна: Витька – студент, но выделил ее из общей массы, оказывал знаки внимания на виду у всех, говорил какие-то слова, тискал в тёмных уголках – всё как у людей. Со стороны нетрудно было понять, что он упорно добивался конкретной цели: «переспать». Нормально, все мы об этом мечтали, хотя в бушевавшую на Западе сексуальную революцию мы, благодаря консервативному советскому воспитанию, даже близко не были вовлечены. Одно смущало: Витька болтал при всех, что сумеет затащить ее в подвал, но я не верил, хотя и не считал Ольгу шибко умной. Главное, непонятно было, зачем он вообще говорит об этом вслух.

Потом я узнал, что это произошло, причем он взял с собой еще нескольких наших пацанов, которые по очереди заходили к ней после Витьки. Внятно обсудить эту тему не удалось. Витька предъявил нам свидетелей своего «геройства» и сразу же куда-то исчез – видимо, уехал в Калачёво. Пацаны поняли, что они идиоты, и уклонились от обсуждения. Ольга нигде не показывалась, а её родители либо так и остались не в курсе, либо решили не поднимать шум, и тема быстро заглохла. Я уехал в свою абитуру – и был избавлен от необходимости смотреть Ольге в глаза, подумав напоследок, что недостаток воображения поможет ей не съехать с катушек и как-то устроить свою жизнь.

* * *

Прошло время, и пришла пора оглянуться на прожитое. Наряду с событиями 40-летней семейной жизни, с моментами интеллектуального, эстетического и чувственного наслаждения вспоминаются досадные промахи, упущенные возможности, неоправданная «мальчишеская» тяга к рискованным приключениям – притом, что и независимо от моей воли возникали реальные угрозы жизни (тонул, тяжело болел, бывал опасно ранен). Нужно признать, что описанный выше эпизод, хотя напрямую я в нём не участвовал, занял место в ряду других событий, повлиявших каким-то образом на мою жизнь. Я пытаюсь понять, каким именно.

Судя по всему, Витька наметил «переспать» только один раз. Казалось бы, гнёздышко в подвале – вопрос чисто технический. Кстати, подвал для нас, пацанов, не был каким-то ужасным местом: мы периодически переносили туда свои игры – устраивали «штабы», «блиндажи»; там даже был одно время стол для настольного тенниса. Но Витька заранее оповестил пацанов о своих намерениях, направил мысли в определенную сторону, а в нужный момент набрал себе команду дружков из тех, кто помоложе. Вот тут-то подвал и сгодился – не в свою же комнату и не в кустики всех тащить!

У Витьки всё получилось: в мозгах и организаторском таланте ему не откажешь! Но почему и зачем он это сделал? Проще всего сказать: «поднок!» – и не углубляться. Но всё же... Сейчас я думаю, что он, поймав пацанов «на крючок», отомстил им за то, что они были свидетелями его детского унижения в эпизоде с «мулей». А Ольга ему была безразлична, просто послужила удобным инструментом. Я бы не удивился, если бы оказалось, что в Калачёво у него была другая дурочка.

Если я правильно понял Витькину цель, то приходится заодно признать, что в отношении меня она была достигнута тоже. У меня такое ощущение, будто мы с ним бежали по одной дорожке, в одну сторону, хотя в целом маршруты были разными, и, казалось бы, друг другу совсем не мешали. И вот ни с того – ни с сего он меня спихнул в грязную канаву. Не столкнул явно, а как-то ловко подгадал и подстроил.

А что же тогда должны были чувствовать те, кто был с ним в подвале?

(2010)

В начало

Зона знаний

Если ваши родители замолкали при упоминании 1937 года, а вы сами в юности были слегка опьянены сладким ядом диссидентства, и если вы спросите – считая вопрос риторическим – может ли что-то быть тяготнее комсомольских, партийных или профсоюзных собраний периода раннего застоя – то я вам отвечу. Может. Тяготнее могут быть отрядные собрания в исправительных учреждениях, в «зоне».

* * *

Ангарск, может быть, и не первый город по концентрации вокруг него «зон», но и – как говорят в Одессе – но и не второй. А ведь поначалу этого не скажешь: дома такие же, как и в Академгородке. Что не удивительно: Морской проспект строился ангарскими домостроителями.

Пожилой сварной Рыжов не любил вспоминать то послевоенное время, когда вся территория строящегося нефтехимкомбината была «промзоной», где он, вольнонаемный, работал наряду с зэками – такими же сварными. Но однажды рассказал, как вынужден был

спрятаться на эстакаде и поневоле наблюдать сверху свержение власти блатных-кавказцев в год смерти Сталина; войска вошли, когда всё было кончено: оставалось только убрать трупы.

Местный филиал ИркутскНИИХимМаша имел подразделение по расследованию причин аварий. Почти все они так или иначе были вызваны браком подневольных строителей. Я видел богатую коллекцию брака сварных швов (так называемых «соплей») – причины взрывов. При мне, в начале 70-х, «зона» уже переместилась на другие объекты, но взрывы на комбинате всё продолжались.

Я был там, в «зоне». Как молодой глава семьи, я искал работу по совместительству, и мне предложили место учителя вечерней школы в колонии строгого режима: зарплата в полтора раза выше моей основной, никакой контроль со стороны ГорОНО, никаких проверок тетрадей, сплоченный коллектив, служебный автобус. Посоветовался с женой и решил попробовать.

Когда-то партия и правительство боролись за повышение вложений основного продукта в мясные и рыбные блюда на предприятиях общественного питания. И вот настало время борьбы за всеобщее среднее образование. В «зоне» решили: все моложе 40 лет обязаны после работы ходить либо в школу, либо в ПТУ – там же, в «зоне». Ну и ходили – куда денешься? Старше сорока было не так уж много – сидела в основном молодежь. Внешне, кроме одежды, ничем не отличимая от тех, что на воле.

Для некоторых школа – это возможность отвлечься, с ними было даже интересно. Крайний случай – имеющие планы поступить в ВУЗ после освобождения. Директор дал по этому поводу специальную инструкцию: всё равно не примут, но об этом надо молчать, а интерес – поддерживать.

Некоторые просто глазели на учительниц, особенно на свежих – при мне пришла одна такая, к ней на урок толпы набивались; кажется, ей столь откровенная реакция мужиков даже нравилась, но директор был против, вызвал мужа, уговорил самого перейти к ним в ПТУ, а её уволил. Но некоторые дамы работали давно и выработали стандарт внешнего вида и поведения: ноль косметики, ноль локонов, каждый день одна и та же неброская (мешковатая) одежда. Подкрашивались в автобусе, при возвращении в город – наскоро, наощупь.

Как классный руководитель, я обязан был посещать отряд (иными словами – жилой барак) и беседовать с теми зэками (нас заставляли говорить «с осужденными»), кто не приходил в школу. Ходить надо было вдвоем. Похоже, полный порядок был «пунктиком» администрации. При всей скромности убранства меня поразила чистота и особенно – размеры и навороченность сушилки для рабочей одежды и обуви. С каждым прогульщиком мы встречались отдельно, и все они, как один, тянулись в струнку и смущенно оправдывались, хотя завуч, с которым я ходил, говорил очень мягко и доброжелательно. Один запомнился: сорок исполнится через несколько месяцев, но выглядит старше; работает приёмщиком бетона, ботинки промокают, приходится отмывать и сушить каждый день, а в тапочках из барака выходить запрещено – вот и вся причина прогулов.

Что такое настоящая борьба за овладение знаниями, я понял на отрядном собрании, состоявшемся в выходной день. Просторное помещение Красного уголка (чуть не написал «Ленинской комнаты», но нет, это невозможно!) украшено стендами, увешано актуальными лозунгами – точь-в-точь как на воле. Всё продумано и сделано очень качественно – с любовью, хочется сказать: резьба, морёное дерево, лак, декоративные гвозди...

На воле – комсорги, профорги, члены комитетов и бюро – много разных активистов. Кто увлеченно, а кто из-под палки – работают, делают «общее дело». На «зоне» активистов не меньше, только не знаю, как они называются. А активностью они превосходят своих «вольных» прототипов, и это немудрено: всё идет в зачет, в характеристику на случай условно-досрочного освобождения. А отрядные собрания – это просто находка для активистов: такого безудержного балаболизма на воле я не слышал. Завуч взял слово, чтобы защитить мужика с тапочками – куда там! Ещё больше накинулись, довели собрание до кульминации, которую и на воле очень любят.

* * *

Вернулся с собрания в город, увидел свежим взглядом аршинные железобетонные буквы лозунгов типа «Слава КПСС!», «Народ и партия – едины!» и подумал: а ведь «зона» – это та же воля. Только еще хуже.

Уволился, как только представилась возможность.

(2009)

В начало

Иран

Загранкомандировки в 1996 году были для госслужащих среднего звена легальной формой халявы. В какой-то степени возможностью побывать «за железным занавесом», но также способом пополнения бюджета твердой валютой в условиях галопирующей инфляции тенге. Я понимаю сейчас, что именно из-за этого я слишком доверился уверениям молодого МИДовца, что все в порядке, и пошел на свои деньги покупать билет до Тегерана и обратно. Меня больше беспокоило, хватит ли моего английского на этом семинаре для представителей стран – членов Организации экономического сотрудничества, так что я даже прихватил с собой Большой англо-русский словарь и Малый русско-английский.

Русская кассирша иранской авиакомпании меня удивила своим мусульманским одеянием, но в самолете наши тетки-«челноки» (а их было большинство) сплошь были в сарафанах или в топиках с голыми пупками. Но за полчаса до посадки началось надевание если не халатов, то длинных юбок и темных кофт, и платков на голову. В хорошем настроении от забавных метаморфоз я с толпой устремился к зданию аэровокзала, по пути в подземном переходе ловко обменял сколько-то долларов на риалы, вынырнул в зал прибытия и...

И меня никто не встретил. Туда-сюда, ресепшен, ломаный английский, легкая паника, объявление по радио, без толку, паника побольше, сел, попытался успокоиться, нашел телефоны, собрался звонить – и понял, что рабочий день уже закончен, завтра четверг, впереди два выходных (а как же! муслим кантри). И что делать? Вижу, что многие поглядывают в мою сторону вроде как с сочувствием, но мне-то они никто, да и языка нет. Тоска. Гостиница в аэропорту наверняка дорогая, у меня столько денег нет, короче, попал. Один мужик проявил большую, чем другие, активность и знание английского, но вот вопрос: какого хрена он тут болтается, может, лохов вроде меня ловит? Сомнений было много, но и делать что-то надо. Вспомнил авантюры далекой молодости (вроде проезда с братом Саней зайцами от Симферополя до Новокузнецка летом 1966 года) и решил рискнуть, довериться.

Обошлось: мужик оказался агентом гостиницы, привез меня куда надо, даже денег не хотел брать. Дали мне комнату за \$50/сутки с завтраком – дешевле просто не было. Пережив стресс, пошел купить хлеба и пару помидоров. Два дня потратил на подготовку к разговору с организаторами семинара. Гуляя вблизи гостиницы, был остановлен патрулем на предмет наличия наркотиков, запоздало похолодел от мысли, что могли и подбросить. Короче, все на нервах.

В субботу в конторе мне высокомерно заявили, что я все перепутал, дали копию письма на фарси о переносе семинара; за целый день добился лишь, что вместо компенсации обещали прислать персональное приглашение и посадили в такси с адресом Посольства Казахстана. А там – опять выходной (наши законные суббота-воскресенье). Еще два дня жил в гостинице подешевле, а потом меня поселили в пустую квартиру в доме работников Посольства, и начался кайф.

Я целыми днями обходил окрестности, впитывая ощущения от повседневной уличной жизни незнакомой страны. В старом центре 2-3-этажные дома приспособлены под малый бизнес. Шьют «на коленке» обувь, мастерят резную мебель, тут же недалеко сварка, визг «болгарки», 15-летние пацаны ловят такси, садятся с мешком заготовок и куда-то их везут. Все работают, все довольны, пьяных, естественно, нет, редко кто курит, жратва дешевая.

Побывал в Парке музеев, только в нем, как мне сказали, сохранилась дореволюционная вполне себе европейская культура, ну и шахский дворец с его немереными коврами. Там же я нашел музей знакомого по «Иностранной литературе» графика (он еще и поэт) с его излюбленной темой читающего в тени деревьев мужчины (взрослеющего от листа к листу) и неизменной юной купальщицей в просвете кустов. Не удержался и черкнул пару строк в Книгу отзывов.

Вернувшись в Алматы, дождался приглашения, и где-то через месяц состоялся второй акт Марлезонского балета. Шикарная гостиница, молитва в первый день семинара, лекторы с дипломами мировых университетов, красавицы в качестве экскурсоводов. Мне удалось на ходу экскурсионного автобуса связать воедино фрагменты территорий, обойденных мною пешком в первый визит. Побывали в какой-то невероятно огромной мечети, в центре которой – стеклянный куб – гробница аятоллы с сугробом бумажных денег. На мусульманском кладбище наблюдали обряд обмывания-выноса тела (не всё поняли, но зрелище впечатляющее: все кричат и пытаются дотронуться до покойника, а потом резко успокаиваются и ждут следующего).

На этот раз самое яркое впечатление было в музее иного рода, в котором ключевым экспонатом была искусно (хочется сказать: с любовью) выполненная диорама с символическим глазом, из которого периодически излучается некий (божественный?) свет, озаряющий весь мир. Вспомнилось пионерское детство с его атрибутикой...

Не сказал бы, что люди все на одно лицо (как в Японии): есть светлые и темные, носатые и не очень, кругло- и узколицы. Много людей в военной форме, некоторые с оружием. На стенах домов – плакаты: троица бородатых старцев-аятолл; павший герой и ребенок, склонившийся над ним с букетиком цветов.

Женщины ходят упакованные: открыто лицо и кисти рук. Те, что учились за границей, говорят потихоньку об исламской революции «это ужасно». В ресторане чуть ослабляют платки и подтягивают кверху рукава халатов, слегка обнажая волосы и руки, униженные золотыми кольцами и браслетами. Девочки до какого-то возраста наряжены преувеличенно ярко. В автобусе женщины сзади, мужчины впереди.

Вот такое у меня впечатление об иранцах: простые, работающие, знающие внешний мир, живущие с жесткими исламскими законами, но хранящие образцы мировой культуры. Никаких признаков нищеты и неблагополучия. Процветающий малый бизнес. На стройках – простые механизмы и ручной труд афганцев. После захода солнца – толпы людей с детьми в парках и скверах, отовсюду музыка.

Ну, а если вспомнить ключевое слово «халява», то и с этим все в порядке: спустя 3-4 месяца мне возместили расходы.

[В начало](#)

Как я был Андреем Соколовым

В детстве меня занимала мысль: почему так редко встречается имя Андрей? Мне длительное время не встречались тёзки среди сверстников ни во дворе, ни в школе, ни в пионерлагере. И это притом, что Вовок, Сашек, Витек и Серёг было не менее чем по паре в каждом дворе, классе или лагерном отряде. А я и мой друг Лёвка были одиночки... Только однажды в нашем подъезде вместо одного из Витек поселился некий Андрей, тоже 11-классник; но тёзка заканчивал прежнюю школу, а все его друзья оставались в прежнем дворе, так что он в нашем дворе не задерживался, и вряд ли мы с ним за неполный год обменялись более чем парой фраз.

Во внешнем мире Андреев тоже было немного. Помню, в школе висел некоторое время портрет Андрея Андреевича Андреева (во как!) с роскошными усами, но при Хрущёве его сняли без объяснения причин. Портрет Андрея Жданова тоже, наверное, висел и был снят, но что-то не запомнился; про то, как во время Ленинградской блокады свежие продукты лично ему доставляли самолётом, нам стало известно позднее. Мама говорила, что меня нарекли в честь Андрея Болконского, но «Войну и мир» я прочитал позже (в школе ограничился

отрывками) и своего «прототипа» представлял не слишком отчётливо – лишь бы сочинение написать. Кинорежиссёры Андрей Тарковский и Андрон Кончаловский, актёр Андрей Миронов прославились своими фильмами ближе к 1970-м. Андрей Первозванный был на слуху, но кто он такой, и тогда никто нам не объяснял, да и сейчас я толком не знаю.

Но однажды мне довелось «предстать в образе» одного своего тёзки – Андрея Соколова, точнее – на время «позаимствовать» его фамилию.

* * *

Перефразируя знаменитую эпиграмму⁵ В.Гафта, можно сказать: все знают Дрюху⁶ Соколова... Да, есть такой популярный киноактёр; после фильма «Маленькая Вера» его стали называть секс-символом 1990-х. Что ж, фильм неплохой, и образ запоминающийся: романтические кудри, крепкая мускулатура, открытое лицо. Примечательно, что его герой за весь фильм сказал не более десяти фраз: 1) «Одноклассник, говоришь? Это хорошо-о!..»; 2) на вопрос надевающей трусики Веры «А ты меня любишь?» ответил «Естес-сно!..»; 3) «А давай поженимся: ты меня кормить будешь!..»; 4) «Почему твои родители такие тупые?..». Ну, и ещё несколько выразительных фраз. А что, нормально для секс-символа⁷.

Имиджмейкеры убрали кудри, добавили Андрею Соколову седину и утомлённые глаза, но оставили прежние лицо и фигуру – и вместо глупеньких и непутёвых «маленьких Вер» ему на шею стали вешаться вполне зрелые и успешные юристки. И статус секс-символа продолжился в развитии.

Вообще-то я немного отвлёкся и даже слукавил: я ведь не этого Соколова имею в виду; во время эпизода, о котором пойдёт речь, этот Андрей ещё под стол пешком ходил... Мы знали другого Андрея Соколова – героя рассказа М.Шолохова «Судьба человека», а точнее – одноимённого фильма С.Бондарчука. Он тоже запомнился замечательной фразой: «Я после первого стакана не закусываю...». Мы, пацаны, были далеки от того, чтобы пить водку стаканами, но фраза уж больно хороша! И врезалась в память вместе с именем героя.

* * *

Итак, это было летом 1965 года. Я закончил первый курс, а мой брат Саня – десятый класс, и мы вдвоём решили съездить на пару-тройку дней в Мундыбаш. Это – в Горной Шории, около 80 км на юг от Новокузнецка. Там в пионерлагере работала вожатой Санина подружка Ольга; у них незаладились отношения, и Санька, похоже, хотел предпринять попытку их восстановления... Ну, неважно; мы взяли с собой палатку, котелок и продукты, чтобы просто побыть на природе.

Пригородный поезд ходил по тому маршруту раз в сутки: рано утром – туда, поздно вечером – обратно. Мы пришли на вокзал с опозданием, отвлекаться на покупку билетов было некогда, и сели в поезд без билетов, понадеявшись купить их прямо в вагоне. Не тут то было! Ну, что ж, оставалось быть внимательными и держать ухо востро... Но вскоре за окном вагона появились знакомые места – Куртуково и Сарбала, куда нас дошкольниками родители возили «на дачу». Саня, конечно, ничего не помнил, и я стал показывать ему «быки» так и не построенного моста, лесок, куда мы ходили за грибами, излучину Кондомы, где я чуть не утонул, но зато научился плавать... Короче говоря, мы расслабились – «потеряли нюх» и прозевали момент появления контролёров. Как водится, один из них сразу же быстро

⁵ *Все знают Мишу Козакова,
Всегда отца, всегда вдовца.
Начала много в нем мужского,
Но нет мужского в нем конца...*
В.Гафт

⁶ Этот вариант имени услышал от одного знакомого; точнее, он произносил инДРЮХА.

⁷ Кстати вспомнилось: как-то другой секс-символ, Михаил Боярский, повзрослевший, прикрывающий лысину чёрной шляпой, но с неизменными усами, удачно выразился примерно так: «У девушки, над кроватью которой приколот мой портрет, – правильная сексуальная ориентация!».

бесшумными шагами прошёл в противоположный конец вагона, второй остался в его начале, и началось их сближение...

Объяснение безбилетности было уже подготовлено (мол, опаздывали, рассчитывали купить в вагоне), но что дальше? На штраф (мы примерно представляли его размер) денег не было. Да если бы и были – платить ни за что считалось «не по-пацански». Значит, либо ссадят на какой-нибудь зачуханной станции и сдадут «в участок» для разбирательства, либо станут разбираться самостоятельно. В любом случае выяснять ФИО, адрес и прочее. Раскрыть эту информацию и «подставить» своих родителей мы считали невозможным (за нами уже числились грешки, и отпустили нас в эту поездку под заверения, что всё будет нормально), так что надо было как-то выкручиваться.

Попасть к «мусорам» не хотелось категорически, и мы с Саней интуитивно приняли кроткий вид. Похожесть родных братьев благоприятно подействовала на контролёров (а может, сказало отсутствие других безбилетников?); они, коротко посоветовавшись, повели нас в «свой» вагон. То есть несколько минут мы шли через вагоны гуськом: один контролёр, Саня, я, второй контролёр. Уже хорошо! Но надо было придумать, что соврать. Несколько мучительных мгновений прошло в сомнениях (а вдруг не получится?), и тут, то ли из глубин памяти, то ли из подсознания всплыло сочетание имени-отчества: «Андрей Соколов!». Сразу же решившись взять инициативу на себя, я заговорил негромко, но уверенно Сане в затылок: «Документов нет, фамилия – Соколовы, имена и даты рождения – реальные, имена родителей – тоже, их отчества – Иванович и Ивановна, место работы мамы – металлургический техникум (вместо строительного), бати – КМК, цех КИПиА (вместо лаборатории автоматизации), адрес: ул. Кирова, 25 (вместо ул. 25 лет Октября, 1), номер квартиры – реальный, место учёбы: у меня – СМИ, физика металлов (вместо НГУ, физика), у тебя – школа № 25 (вместо № 17), курс и класс – реальные. Всё!». На детали времени не оставалось.

Меня слегка потряхивало – не был уверен, что Саня всё понял и со всем согласился, Это потом я оценил произнесённую фразу как минимальное и легко запоминающееся, но кардинальное отклонение от правды, а в момент её говорения я был «на автопилоте»... К тому же беспокоило, что Саня с детства неохотно признавал моё старшинство (а к описываемому моменту он даже перегнал меня в росте, размере обуви и в мышечной массе), так что для согласия с навязанной версией от него, пожалуй, потребовались некоторые внутренние усилия.

Слух у Сани отличный, и он всё воспринял нормально и спокойно улыбался. Когда нас развели по разным углам и «допросили» поодиночке, а потом сличили показания – всё сошлось. Я приходил в себя и пытался замаскировать ликование кривой усмешкой. А контролёрам, похоже, самим полегчало. Они выписали извещение на уплату штрафа (включая стоимость проезда), оставили себе расписку о вручении и сказали на прощание, что в пути проверок больше не будет, а если будут – можно предъявить извещение; как бы пожелали счастливого пути. Чем мы и воспользовались. На обратном пути мы решили не зарываться и своевременно купили билеты. Ну, а штраф платить, естественно, не стали.

* * *

«Горевал» о дефиците Андреев и не знал, что они уже на подходе. Оказывается, массовая мода на это имя началась на стыке 1950-х и 1960-х. Но среди молодых родителей у меня знакомых не было, поэтому в детские коляски я не заглядывал, «идёт коза рогатая» не пел... – в общем, узнал об этом факте не сразу. Незаметно для меня эти Андреи, пройдя через ясли, детсады, школы и институты, вступили во взрослую жизнь. Например, стали популярными киноактёрами: Ростоцкий и Краско (1957 г.р.), Харитонов (1959), Ильин (1960), Соколов (1961), Панин (1962); иными специалистами: ведущие ТВ Максимов (1959) и Козлов (1960), экономист Илларионов (1961), депутат Исаев (1964)...

В конце 1980-х на Текелийский комбинат стал приезжать один такой Андрей – ассистент кафедры Ленинградского горного института, как раз лет на 15 моложе меня; горный турист, как и я, но покруче; мы с обоюдным удовольствием общались и даже встречались потом в Ленинграде. А однажды он приехал в Текели вдвоём со своим коллегой-

однокурсником, тоже Андреем, и в течение неполной недели в одном номере заводской гостиницы жило три бородатых Андрея. И я за рюмкой чая рассказал молодым тёзкам историю, как я был Андреем Соколовым.

(2012)

В начало

Летальные объятия

«Ей не к лицу эти очки!», – подумал я, на ходу поздоровавшись, и поспешил по морозцу на соседнюю улицу к ежеутренней бочке с молоком. Я был женат пятый год, мы с женой любили друг друга, и другие женщины меня не интересовали. Так что эта мысль пронеслась где-то на периферии сознания и тут же исчезла.

Возвращаясь через 10-15 минут с полным бидончиком, я опять увидел её на том же месте, под фонарём. Она стояла на бордюре спиной к тротуару, затравленно озиралась по сторонам и явно дрожала от холода. Болоньевая куртка поверх домашнего халата, короткие шерстяные носки и галоши – и всё, даже голова не покрыта. Так обычно выбегают к стоящему во дворе туалету, а не на перекрёсток.

«Она» – это наша соседка, жившая через пару домов от нас на улице коттеджей Алматинского домостроительного комбината. «Коттеджи» – слишком громко сказано: это были типовые саманно-камышитовые домишки с удобствами во дворе – правда, подключенные к центральному отоплению. Жила она с маленькой дочкой; ещё была мама, жившая, кажется, отдельно.

Я и сам уже подмёрз, так как выскочил за молоком ещё до завтрака, не выпив чаю; подмёрз, несмотря на просторную и уютную телогрейку тестя, шапку, брюки и прочее. Соседка поймала мой взгляд, и я понял, что нужно подойти и спросить, что приключилось, а сам лихорадочно вспоминал, как её зовут: Валя? Люся? а может, Юля? Так и не вспомнив, подошёл, задал заготовленный вопрос и услышал в ответ: «Мой муж... то есть он не муж... он утром проснулся, вот так поднял руки, захрапел и всё... кажется, умер... я жду скорую... они не едут... я боюсь туда возвращаться... дочка у мамы...», ну и так далее.

Я понял, что нужно увести её с холодрыги, и придётся, конечно, убедиться, что паника – не без причины. Она охотно пошла – видимо, уже не осталось никаких запасов тепла – но всё же кинула через плечо, поверх поднятого воротника куртки, последний прищуренный взгляд в сторону ожидаемого появления скорой. Пока шли, она повторяла всё те же фразы, а я вспоминал, как на военной кафедре нас учили делать искусственное дыхание и непрямой массаж сердца.

Войдя в дом, мы оба тут же принялись протирать запотевшие в тепле очки, и она, держась позади, задала мне нужное направление. Я шагнул в комнату и увидел молодого, в меру упитанного мужика, мирно лежащего на кровати с закрытыми глазами и голым торсом, руки поверх белоснежного пододеяльника. Мелькнула озорная мысль, что вмятина на соседней столь же белоснежной подушке – от её головы, и на миг представились пыльные ночные объятия; впрочем, сейчас подобные догадки были не ко времени. Я слегка дотронулся до него – тело было тёплым, по крайней мере, для моих замёрзших пальцев. Я в недоумении обернулся на соседку, а она шёпотом, а более того – жестами и мимикой убеждала меня, что «он не спит...». Я попытался услышать биение сердца, но в ушах стоял шум, а пальцам не удавалось нащупать артерию.

Потратив на диагностику малое время, я сбросил телогрейку и шапку и попробовал делать искусственное дыхание. Спросил, не поможет ли она, но соседка, так и не переступив порог, отрицательно замотала головой. Взяв в руку край накрахмаленной простыни, я легко разжал пациенту рот, прихватил и отвёл вбок язык. Поднял и опустил его руки – и услышал, как воздух с шумом идёт в лёгкие и обратно. Я даже не ожидал. Потом, прикрыв одеялом грудь, стал ритмично надавливать ему на грудину – делать непрямой массаж сердца. В дальнейшем я чередовал две процедуры, как и положено по инструкции. Эти простые

движения быстро меня разогрели, пришлось снять свитер, затем рубашку; остался в майке, и всё равно пот лил градом. На самом деле, было не так-то легко: язык то и дело перекрывал дыхательные пути, руки пациента деревенели и как будто наливались свинцом. Я вынужден был делать паузы, чтобы унять сердцебиение и восстановить собственное дыхание.

В одну из таких пауз подумалось: забавно, два молодых мужика разной степени обнажённости тискают один другого на разобранной постели, а не менее молодая дама стоит на пороге и смотрит на них распахнутыми глазами. Правда, в этот момент она не смотрела, а тихонько цакала посудой – очевидно, наводила порядок после романтического ужина. Чтобы спрятать неуместную улыбку, я возобновил процедуры.

Тем временем дама тоже согрелась, переделась потеплее и дождалась, когда я гляну в её сторону, чтобы шёпотом, мимикой и жестами отпроситься встречать скорую. Я кивнул и остался наедине с пациентом. Тело стало уже не таким тёплым, и былая надежда на успех растаяла, так что неизбежные паузы становились длиннее. Опять подумалось: странно, с детства пугали друг друга мертвецами и кладбищами, и вот на моих руках человек уже явно мёртв, а я не шарахаюсь от него, пытаюсь что-то сделать, следую инструкции. Не выстроились в единую логическую цепочку романтический ужин, свежая постель, жаркие объятия – и всё более очевидный труп одного из сладкой парочки. Не произошло в голове некоего щелчка, от которого волосы встали бы дыбом. А может, этот «недогон» и требуется: хорош бы я был, если б и меня ужас прогнал на стылый перекрёсток.

Наконец она вернулась с мужичком – врачом или фельдшером скорой. По сравнению с красавцем-пациентом он выглядел каким-то лядящим, замученным к тому же надсадным кашлем. Пока он приспособливал свой тонометр, я коротко и чётко, прямо-таки по-военному, доложил обстановку и свои действия, и что «он уже холодный» – желая, чтобы специалист освободил меня от бесполезных трудов. Тот что-то буркнул невнятно и достал шприц с неправдоподобно длинной иглой. Я не смог удержаться от вопроса: «Адреналин в сердце?». Мужичок криво, но с пониманием осклабился на цитату из культового фильма «Коллеги». Дама, по-прежнему не входя в комнату, переводила распахнутые глаза с одного из нас на другого.

Но и адреналин не помог. Собирая свои манатки, я поинтересовался, почему так долго не ехала скорая. «Пересмена, утром всегда так», – флегматично ответил врач и занялся бумагами; я понял, что операция по спасению завершена и, наспех одевшись, поспешил домой. С дамой мы обменялись какими-то дежурными фразами; она уже не была в том жутком состоянии, как стоя на бордюре. «Молоко забыли!», – крикнула она вдогонку вполне звонким голосом и протянула с крыльца бидончик. «Уже светает... дома меня потеряли... на работу опоздал...», – проносилось в голове.

* * *

На похоронах я не был – хоронили его, очевидно, не с нашей улицы, и соседку я долго не встречал – к матери она переехала, что ли. Уже весной зашёл зачем-то в почтовое отделение, а она там, оказывается, работает. Опять улыбки, немного слёз, «я так благодарна...» – «ну, что Вы, не стоит: моя помощь оказалась бесполезной...» – «да, но Вы помогли МНЕ!...» – всё это шёпотом и с оглядкой на сотрудниц, которые, видимо, были не в курсе и должны оставаться не в курсе. Поняв это, я воздержался от вопроса о причине смерти. А он меня, в общем-то, занимал: слышать о смерти на ложе любви, чуть ли не в объятиях, приходилось нечасто; а быть в некотором роде свидетелем – тем более. Но замкнуть логическую цепочку так и не пришлось.

Выйдя на улицу, опять подумал: «Нет, не к лицу ей эти очки!». Наверное, меня всё же интересовали другие женщины – чисто эстетически. Что касается данной конкретной дамы, то она так и осталась безымянной, и больше я её не встречал.

(2011)

В начало

Пилаты

Борис. Институт «Казмеханобр», в котором я проработал почти 20 лет, кроме исходного направления по обогащению руд цветных металлов, имел статус «головного» в отрасли по очистке промышленных сточных вод. Заметной фигурой в институте был Боря Пилат, прославившийся рекордным числом поданных заявок на изобретения и полученных авторских свидетельств по обоим этим направлениям. Я не был с ним близко знаком и не знаю, все ли идеи были его собственные, или же народ к нему тянулся, зная умение правильно сформулировать заявку.

Боря долго не женился. У него была помощница, которую я встречал в архиве Патентного отдела, где она, выполняя самую чёрную часть изобретательской работы, искала прототипы и аналоги. Девушка была уже в возрасте и вся светилась от влюблённости в своего шефа – и вдруг внезапно угасла, оказалась далеко не красавицей, вскоре уволилась, и больше я её не видел. Выяснилось, что Боря женится на некой Татьяне. Я не могу вспомнить наверняка, что когда-нибудь видел Татьяну «живьём», но много слышал о её напористости. У неё было медицинское образование; Боря помог ей защитить кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию. Здесь, как и в изобретательстве, проявилась Борина лёгкость, широта и умение заниматься любыми науками. Сам же он оставался скромным кандидатом.

В Научно-техническом совете «Казмеханобра» была одна дама, приятная во всех отношениях: рослая, статная, с правильными чертами лица, строго одетая, с грамотной речью и хорошо поставленным голосом. Она отлично разбиралась в тематике института и имела отчётливые суждения об основных научных направлениях. Полагаю, она имела все данные для того, чтобы достойно представлять институт в союзном министерстве, поддерживая заявку на финансирование так называемых поисковых исследований. В родных стенах она всячески демонстрировала строгость и принципиальность; молодёжь её побаивалась. Но в её столь цельном и суровом облике был крохотный изъян – она с материнской нежностью относилась к Боре Пилату: на нём её строгость и объективность отдыхали.

Однажды в первые жаркие дни лета мой коллега по лаборатории готовился к защите на НТС отчёта по поисковой теме, финансируемой союзным министерством. Я принимал участие в работе по одному из разделов и помогал с отчётом – в частности, изобразил на ватмане несколько схем; в их числе – схему цепей аппаратов: ёмкости, насосы, стрелки, надписи с названиями операций и так далее. Мы были вторыми, но вынуждены были в пиджаках и галстуках париться с самого начала и до конца – чтобы не было лишних хождений! Заодно выслушали с интересом доклад соседней лаборатории. Пилат должен был выступать третьим, но он опаздывал, появился, когда мы развешивали свои демонстрационные материалы, и скромно уселся в задних рядах. Мой товарищ выступил достойно: чётко и грамотно говорил, умело пользовался схемами, уложился в регламент, ответил на все вопросы. Когда объявили короткий перерыв, мы в несколько пар рук стали снимать свои плакаты, чтобы освободить место для очередного докладчика.

У Бори своих плакатов не оказалось – он попросил оставить один из наших, со схемой цепей аппаратов. Мы были несколько удивлены, но гораздо больше меня поразило другое: Пилат был в шортах, в яркой гавайской рубашке навыпуск и в сандалиях на босу ногу! В небольшом зале стоял насмешливый гул, который затих, когда после перерыва вошли члены НТС. Боря игриво извинился за свой вид, объяснив, что вообще-то он числится в отпуске, но тотчас же посерьёзnel и перешёл к своему докладу. По-видимому, членам совета Борины извинения показались достаточными (в предвкушении обеденного перерыва) – но не всем! Я видел, как приятная во всех отношениях дама краснела и бледнела, как она беззвучно открывала и закрывала рот, так и не решившись что-то сказать, как, в конце концов прижала к губам платок и покинула помещение.

А у Бори всё получилось: он лихо использовал наш демонстрационный материал, лёгкими пассажами как бы отбрасывая ненужные ему элементы схемы. Борин отчёт был утверждён без лишних разговоров. А публика – покорена артистизмом докладчика и

удовлетворена своевременностью обеденного перерыва. Но я бы отметил не только это: в воздухе как бы носился едва уловимый аромат свежескошенной трын-травы – ощущение ненужности пиджаков-галстуков и чопорных заседаний НТС, ибо предчувствовалось, что скоро не станет ни финансирования поисковых работ, ни союзного министерства, ни самого Союза.

Татьяна. Горбачёвская перестройка неуклонно приближала СССР к развалу. И если Боря одним из первых понял, что «Казмеханобр» не имеет будущего, то Татьяна, полагаю, одной из первых в Алма-Ате поняла перспективу новых форм хозяйствования. Это у неё семейное; Татьянин папа был, кажется, юристом, но в это благодатное время поймал кураж: стал «косить под Кашпировского», то есть заделался экстрасенсом и народным целителем, гастролировал с сеансами. Боря побывал на сеансе в здании цирка и потом потешался над придурками, которые всерьёз воспринимали эту чушь. Не этот ли «цирк» он предвосхитил на недавней защите отчёта? В любом случае, идею тестя Боря одобрил.

Сам он эксплуатировал другую идею. Как сейчас весь мир охвачен проблемой глобального потепления, так в последние годы перед развалом СССР вспомнили про промышленные стоки: ужесточили требования, насочиняли правил и инструкций. А главное – предприятия всех отраслей ОБЯЗАЛИ выделять и осваивать деньги на экологию. В «Казмеханобре» было немало серьёзных разработок, но с развалом Союза сколько-нибудь сложные вещи стали невозможными. В выигрыше оказались те, кто приспособился писать «под копирку» экологические паспорта и осваивать бабки многочисленных производств, впаривая им что-нибудь простенькое, но «комплексное»: которое чистит воду сразу от всего.

Пилаты создали собственную фирму «Эйкос», занимающуюся теми же вопросами очистки промышленных сточных вод, что и значительная часть «Казмеханобра», но не имеющую его тяжеловесной структуры. Боря хорошо знал, кого переманить к себе. Шибко умные ему были не нужны, брал он «среднее звено» – только тех, кто имел отношение к готовым разработкам и простым аппаратам. Мои знакомые, перешедшие к нему, говорили, что персоналом распоряжалась Татьяна, и была она весьма строга, а все личные контакты с Борей были забыты. На голову выше «технарей» ценились специально приглашённые со стороны люди, владеющие способами заинтересовать руководство очередного предприятия в заключении контракта именно с фирмой «Эйкос». Это нарождался ставший позже привычным подход «коррупция-лайт».

Стало известно, что Татьяна пошла в депутаты – видимо, чтобы лоббировать принятие законов, обеспечивающих продолжение той же экологической политики в независимом Казахстане. Позже бизнес расширился, и доктор Т.Пилат появилась на популярных российских телеканалах, лично представляя некие пищевые добавки. В частности, пару раз она была замечена в передаче НТВ «Без рецепта. Доктор Бранд». Писали, что ей удалось добиться права на поставки целебных киселей и вахтовых суточных наборов для российской армии. Но об успехах Пилатов в части очистки воды на необъятных просторах России не было слышно: здесь нашёлся свой В.Петрик.

Недавно выяснилось, что депутатская деятельность Татьяны была замечена некоторой частью общественности. Есть такой аксакал – писатель Абиш Кекилбаев, известный переводами классики на казахский язык. Его могучая фигура, высокий лоб и седые кудри до плеч хорошо знакомы публике – благодаря тому, что он постоянно занимал важные государственные посты: государственного секретаря, советника главы государства, председателя прежнего однопалатного Верховного Совета Казахстана, сенатора нынешнего Парламента. Этой весной в связи с почтенным возрастом сенатор А.Кекилбаев был отправлен в почётную отставку. Вот высказывание по этому поводу комментатора Камикадзе на одном из форумов¹: *В 13-м созыве А.К.<екилбаев> был спикером. Там же была депутат Пилат Татьяна. Она частенько брала слово и подсказывала А.К. выход из затруднительного положения. Благодарный спикер с небольшим казахским акцентом восхищенно произносил: «Молодец, Пилать».*

(2010)

Тельбесский провал

Всматриваюсь в спутниковую карту окрестностей Мундыбаша¹ и вспоминаю маршруты, пройденные здесь более сорока лет назад. Тогда карт у нас не было, а намечать маршрут приходилось на случайном листке типа тетрадной обложки или просто «на пальцах». Сейчас – совсем другое дело: карты доступны.

Вижу просёлочную дорогу, до сих пор не имеющую покрытия и ветвящуюся в низких местах из-за стремления шоферов и трактористов выбрать альтернативный вариант пути среди непролазной грязи. Вижу многочисленные тропки, пересекающие участок во всех мыслимых направлениях. Изрядно поредел посёлок Тельбес, и уже не видно его отчётливых улиц: остатки домов разбросаны в полном беспорядке. Никуда не делись: река Тельбес, провальное озеро, сопки и скалы, включая ту, о которую разбило хилый плот незадачливых акванавтов. Но не осталось и следа от отдельно стоящей хаты, в котором собралась однажды наша компания.

* * *

Время действия – с конца апреля по начало мая; а год был, наверное, 1968 – судя по тому, что действующие лица этой истории были студентами. Я был тогда длинным и тощим; «военка» уже закончилась, так что голова обросла лохмами; частое бритьё мне, в отличие от брюнетов, ещё не требовалось; серые глаза казались мелкими за стёклами очков в толстой оправе; неровные зубы я прикрывал пухлыми губами, и отсутствие улыбки придавало мне серьёзный вид. Я приехал в Новокузнецк из НГУ на короткую первомайскую побывку и сразу же накинудился на домашнюю, мамину еду.

Брат Саня, бывший двумя годами моложе и обогнавший меня в росте и ширине плеч, улыбался чаще; при виде меня, отощавшего от «тяжких трудов», – сочувственно. Он тоже был студентом, но жил дома, и быт общаги знал только по рассказам. Саньке учёба в провинциальном вузе давалась легко и оставляла время для забав. И меня устраивало, что к моему приезду у Сани обычно был готов план очередного похода, согласованный с другими участниками – оставалось только присоединиться.

На этот раз я узнал, что Джим, неизменный инициатор и руководитель наших пеших походов по Горной Шории и сплавов по её рекам, купил хату. То есть купил отдельно стоящий дом далеко за городом, случайно, за смешные деньги. Я Джима в городе не застал, он уже выехал на свою хату; выехал, но передал через Саню приглашение с таким напутствием: «В Тельбесе были? Были! Ну вот, по той же дороге ещё два километра. Я встречу!». Не совсем было понятно, где встретит: на пороге хаты? в посёлке у магазина? – но это всё мелочи. А предложение заманчивое, правда, его ещё требовалось обсудить с нашей двоюродной сестрой Ирой и двумя её подругами – эта троица должна была приехать из Новосибирска на сутки позже меня.

Утром мы их встретили. Опишу кратко трёх 20-летних кареглазых брюнеток умеренной гжучести. Ира – рост средний; круглое лицо, с азиатскими мотивами в разрезе глаз и форме носика, обрамлено пышной копной волос; аккуратные очки в дамской оправе хорошо сочетаются с приятной улыбкой; отмечу ещё детский голосок. Ольга, её подруга по Пединституту – повыше Иры, стройная (если не сказать худая); черты лица – тонкие, с богатой и выразительной мимикой; прямые тёмные волосы не скрывают беззащитную шейку; хорошо поставленный голос и отчётливая артикуляция сочетаются с богатой лексикой; подвижные тонкие руки дополняют портрет прирождённой артистки. Лиля, двоюродная сестра Иры со стороны её мамы – довольно высокая и спортивная на вид, с правильными чертами спокойного лица, которое в зависимости от освещения казалось то чуть смуглым, то матово-бледным, с роскошными тёмными волосами до плеч, с плавными жестами,

выявляющими уравновешенный характер. Вот такие славные девушки с радостными возгласами и белозубыми улыбками прибыли к нам с Саней в гости.

Ира и Ольга, зная Джима по прошлому приезду, предложение отправиться к нему на хату приняли сходу и с восторгом; Лиле оставалось только присоединиться. До вечера, когда девушкам предстояла встреча с нашими родителями, мы уже всё решили и закупили расчётное количество продуктов по неизменной для нашей компании калькуляции «рубль на рубль в день», и это на всё - про всё, включая выпивку. А на следующий день рано утром я с ними отправился на пригородный поезд; Саня должен был выехать с основной группой на сутки позже.

В поезде вспоминали весёлые поездки Иры и её подруг к нам в Академгородок, но я всё чаще «выпадал» из разговора, так как мысленно проходил предстоящий нам путь. Поезд шёл долго, и мы, налюбовавшись панорамами за окном, успели пообедать.

В Тельбесе я бывал, дорогу вроде помнил, но учёл не всё. Знал, что мои девчата не были заядлыми туристками, но никак не ожидал, что они ходят совсем медленно, с нытьём, с остановками, с перекусами и перекурами. Лиля ещё ничего, а Ольга с Ирой, выпускницы английских спецклассов, похоже, полностью игнорировали уроки физ-ры. Я и так забрал все их грузы в свой рюкзак... И второе: никак не ожидал (хотя должен был!), что в конце апреля темнеет часа на два раньше, чем в разгар лета.

Уже смеркалось, а Тельбес не появлялся. Обогнавший нас мужик сказал: «Да тут недалеко. Здесь ближе!» и, не останавливаясь, скрылся в указанном им самим направлении. Едва заметная тропинка углубилась в лес, стало совсем темно, только белели остатки сугробов, а на спуске ноги скользили в весенней грязи, так что приходилось цепляться за стволы деревьев. Думаю, на этом коротком участке мы, с охами и ахами, отстали от прохожего мужика минут на 30-40, не меньше.

В посёлке нас встретил собачий лай, мрачные силуэты брошенных домов (рудник, дававший работу посёлку, был закрыт несколько лет назад) и одинокая яркая лампа на столбе у магазина, больше слепившая глаза, чем освещавшая дорогу. Джима у магазина не было. Мы подошли к срубу, оставленному на салазках среди дороги – видимо, зимой его не успели вывезти в другое место. Ольга заявила: «Всё, Андрюша, твой Джим – такой-рассякой, даже не встретил нас! Всё, Андрюша: ночуем здесь!», Ирка нервно хихикала, а я был рад скинуть с плеч плохо уложенный рюкзак. И только Лиля, заметив невдалеке святящееся окошко, подошла поближе – поздороваться и договориться о ночлеге.

* * *

Бабка суетилась с чайником, а дед довольно тупо задавал одни и те же вопросы: кто мы, откуда мы и куда мы. Я вначале охотно ему отвечал, а потом решил не обращать внимания. Хозяйка предлагала какую-то еду, но мы отказались, а выпили по стакану чаю с карамельками. Я заметил краем глаза, как мои интеллигентствующие спутницы, привыкшие к индийскому и цейлонскому чаю, переглянулись, поморщились, но всё же промолчали. И мы улеглись на полу на разостланные хозяйкой шубы-тулупы.

Я проснулся от прямого солнечного луча и услышал непонятный писк. Нашёл очки, смотрю – по мне и девчатам ходят жёлтые цыплята, не замеченные нами с вечера в коробке под кроватью. Сам я во сне скатился с шубы под эту же кровать и лежал на одном только рукаве. «Нежиться» на голом полу смысла не было, и я встал, нашёл умывальник, а потом разбудил девчат. Бабка угостила нас яичницей и остатками вчерашнего чая (я понял, в чём дело: чай был плиточный; когда-то все такой пили). Я спросил у деда, который поутру оказался более понятливым, чем вчера, направление нашего дальнейшего маршрута, и мы, поблагодарив и оставив хозяйке пачку нормального чая, а деду – пачку сигарет, быстро ушли.

Снова мы двинулись не по основной дороге, и указанная дедом тропка завела нас довольно высоко на вершину сопки. Девчатам, немного отдохнувшим за ночь, опять поплохело; а мне пришлось нервничать, изображать бодрячка-экскурсовода, широким жестом показывая и восклицая: «Зато какой отсюда открылся вид! Змейка реки Тельбес ярко блестит

на солнце! Местами отвесные скалы мрачно нависают над водой, но над всем миром висит ярко-голубое небо! Тёмные зубчики елей обрамляют плавные линии сопков! Красота, да и только!..». Шумно восторгаюсь и вижу, как мои попутчицы, не пряча иронические улыбки, только и ждут конца выспренной фразы, чтобы ядовитее съязвить.

Глазастая Ольга первая увидела хату и три фигурки возле неё. Я, сопоставив направление и расстояние, подтвердил, что это и есть наша цель, до которой оставалось пройти примерно один километр. Уф, от сердца отлегло: ну, сейчас передохнём в последний раз и быстро спустимся. Но девчатам хотелось, чтобы Джим, гад такой, встретил их прямо здесь и на ручках, противный такой, доставил на место. И они принялись скандировать в три голоса: «Же-ня, Же-ня, мы здесь, и-ди сю-да!». «Да уж, шас прибежит!» – подумал я.

Но что это? Я не поверил своим глазам, вдруг заметив, что одна из фигур, собрав охапку сухой травы, соорудила дымный костёр. «Они подают нам сигнал! Надо ответить!». Я выбрал место, свободное от кустов, девчата притащили по жмене травы и сушняка, я поджёл, и к небу взвился ответный дымовой сигнал. Фигура заслонила рукой от дыма костра, развернулась и скрылась в доме. «Переобувается! Сейчас позовёт остальных!». Девчата уже принялись охорашиваться...

Но нет, звуковая и дымовая коммуникация так и не состоялась... Я затоптал костерок, и мы через кусты спустились с горы и приблизились к дому. Джим очень удивился, увидев нас не вечером, а с утра пораньше. Первый его вопрос был: «А водку привезли?». Тут ему крепко досталось от старых знакомых Иры и Оли, но постепенно упреки-оправдания перешли в объятия. Высказавшись, девчата понемногу пришли в себя и не держали зла ни на Джима, ни на меня, а я на них. Нас уже стало семеро: с Джимом были Лежа и Генка.

Джим учился в нашей школе, был на год моложе меня, но в самостоятельном туризме признавался всеми нами непререкаемым авторитетом. У него уже курчавилась черная борода, сгоняя юношеский румянец с широких щёк, а на голове начиналось обратное явление: не менее курчавая чёрная шевелюра отступала с макушки и от висков, освобождая место сиянию залысин. Чуть сутулая осанка выдавала недюжинную физическую мощь. Силе соответствовала мягкая манера общения. И уж совсем «мягким», прямо-таки женским был его голос, когда пели у костра или у него дома, сидя за рюмкой... чая. Особенно ему удавалась строфа из его любимого романа: «...вася хозяйка состарилась с вами / пара гнедых, ой да пара гнедых...», и мы часто просили: «Джим, споем васю!», и он пел. Не знаю, как позже, но в то время оснований для подозрений в особом пристрастии к алкоголю не было, а вопрос о водке, которым он нас встретил, был началом фразы «...а то ночи здесь холодные!», то есть, продиктован заботой о менее опытных товарищах.

Лежа был мне заочно знаком как друг Татина (о котором речь впереди), а видел я его впервые. Лежа студентом не был – то ли не смог поступить, то ли успел вылететь – и балбесничал; домашние женщины (бабка, мамка и сеструха) его избаловали, и он вёл себя как пухлый и румяный капризный ребёнок; джинсы были большой редкостью – так ему их «достали», и Лежа щеголял в джинсах даже на хате. А если не цепляться к мелочам, то был он высоким и симпатичным блондином, и девушкам нравился.

Генка мне не встречался ни до, ни после этого раза и совсем не запомнился, кроме разве что одной детали: он был с ружьём. Это он жёл утром мусор, и не думая подавать нам сигналы: наших криков они не слышали.

В честь прибытия дам трижды стрельнули по банкам, насладившись замечательным эхом, а потом занялись заготовкой дров и прочими хозяйственными делами. Дом, стоявший посреди огромной поляны, был небольшой, но с верандой и ещё вполне целый, вот только печь дымила. Мебели никакой не было. Бывший огород зарос бурьяном, а забора практически не осталось: видимо, пошёл на разжижку. Рядом с участком протекал чистый ручей. Девчата навели порядок в доме, наметив места для ночлега. Вечером должна была прибыть основная группа.

Поскольку время прибытия угадать было трудно, а света в хате не было, решили засветло поужинать. Ну, и выпили бутылку водки на шестерых (Лиля отказалась), оставив вторую на Первомай. Сели у костра, и Джим рассказал, как они вместе с Генкой нашли и приобрели эту хату, а остальные высказали соображения, не глупая ли это затея, есть ли шансы, что хату не растащат на дрова хотя бы до лета, и сколько бутылок водки можно было купить на потраченные деньги. Выяснив, что не так уж много, все успокоились – как раз к приходу основной группы.

* * *

Их пришло восемь человек: Саня с Галкой, Шипаря с Людкой, Татин, Галкина подруга Тамара и Юрка с Галиной. В потёмках не до портретов, тем более при столь стремительном росте числа персонажей, поэтому я, как автор, беру паузу, чтобы заняться этим делом назавтра, при свете дня, а пока только отражу факты.

Вновь прибывшие шагали в темпе и без приключений, подобных нашим. Пришли, разумеется, раскрасневшиеся и «взмыленные». Как и моим девчатам, им хотелось света, тепла и уюта: «принять ва-анну, выпить чашечку ко-офе», но жизнь оказалось суровой. Татин принялся ворчать на Джима за то, что не встретил у магазина, а тот оправдывался. Ольга, ранее не знакомая с Татиным, решительно размахивая поварёшкой, пришла на выручку Джиму: «Эй, туристы! Больных нет? Нет! Хата к ночлегу готова? Готова! Чо ныть? Костёр горит, вода в котелке закипает, так что щас быстро сварганим супец!». Смотрю, Ира с Лилей, подхватив Саню и остальных, повели их в дом показывать, где можно переодеться.

И всё-таки вновь прибывшие нашли возможным изобразить обиду: переодевшись в сухое, с мрачным видом сели в кружок, достали и выпили свою водку и закусили своей колбасой. Потом, правда, повеселели, развернулись, съели супец и вместе с нами приступили к чаю. Только Татин всё не мог успокоиться, теперь прицепился к другу Леже. В конце концов, костёр догорел, все перешли в дом, улеглись и мирно заснули.

* * *

Наутро, Первого Мая, решено было сходить в посёлок «на демонстрацию». Но у автора свои заботы: надо дать портреты вновь прибывших, хотя бы некоторых из них, и начать придётся с Татина, как наиболее активного.

Татин тоже из нашей школы, ровесник и однокурник Сани. Рост – чуть выше среднего; не атлет, но сложения хорошего; чёткий «медальный» профиль, аккуратная стрижка, очень качественные очки, во рту – золотая фикса; всегда опрятно и со вкусом одет. Считался признанным специалистом в области современной западной музыки и имел хорошую фонотеку. Умён; немного занудлив с равными, но в общении с авторитетами в мало знакомых ему областях склонен прислушиваться к их мнению и «мотать на ус».

Особая тема – отношения со старым другом Лежей. Тут автору придётся вспоминать по крупицам и немного домысливать. В целом картина такая: дружат неравные по потенциалу партнёры, и Татин в любом споре постоянно берёт верх, а вот физически или интеллектуально? – да когда как. И оба к этому привыкли за много лет.

Неважна суть возобновившегося спора между Татиным и Лежей. По нелепости спор напоминает эпизод с дуэлью из фильма Р.Балаяна «Храни меня, мой талисман». Наши дурни тоже устроили «дуэль». А ещё это похоже на фильм К.Серебренникова «Изображая жертву», в котором один из героев «пульнул» в приятеля. Судите сами: Татин тоже буквально на глазах у всех взял патрон, высыпал дробь, вернул на место пыж, зарядил ружьё и «пульнул» Леже в жирную задницу. Лежа заорал, девчата завизжали, парни кинулись отбирать ружьё, которое Татин без разговоров отдал и, мгновенно успокоенный, молча прислонился спиной к столбу веранды, скрестив ноги и переплетя руки на груди. Ружьё разъяли и попрятали по разным рюкзакам, теперь от Лежи. Видя спокойствие Татина, «вязать» его раздумали, просто двое парней встали рядом.

«Татин, гад: новые джинсы прострелил!», – ныл Лежа, когда его уложили, спустили штаны и убедились, что, кроме кровавого пятна размером с пятак, серьёзного повреждения он

не получил. У Галины нашлись средства первой помощи, и она приступила к «профессиональным обязанностям», а парни ей ассистировали. Лечение было простым: плеснули на рану водки и заклеили пластырем. Когда Лежа, вытерпев процедуру, поднялся и появился, прихрамывая, перед дамами, он сорвал-таки апло... всплеск девичьих рук и нежные вздохи сочувствия – а ему, похоже, того и надо было. Голубые глаза блеснули невольной слезой, губы слегка дрогнули, но он мужественно взмахнул блондинистым чубом – и инцидент был исчерпан. Общество, заставив старых друзей помириться, назначило Татину наказание, оставив дежурным по хате: помыть посуду после завтрака, запасти дров и сварить обед.

Совершенно неожиданно Шипаря выразил желание составить Татину компанию, отправив свою Людку со всеми в поход. Шипаря – одноклассник Джима и наш с Саней сосед по дому. Невысокого роста, головастый, белобрысый, самый начитанный из всех, кого я тогда знал, с громким голосом и отличной дикцией, заядлый спорщик. В детстве был хиловат телом, но к описываемому времени раздался в кости и набрал мышечную массу. Людка – славная миниатюрная «платиновая» блондинка, училась с ним в одной группе и позже вышла за него замуж.

Надо описать Санину тогдашнюю подругу Галку: конькобежка с сильными ногами и длинными руками с красноватыми, как от мороза, пальчиками; зелёные глаза, чуть крупноватый нос, прекрасные зубы и торчащие во все стороны патлы настоящего рыжего цвета; в целом мила своей неизменной приятной улыбкой, предназначенной преимущественно одному только Саньке. Да, ещё Галкина подруга Тамара: тоже конькобежка, не такая долговязая, но с характерной фигурой «в рюмочку» и волевым лицом – похоже, перспективная спортсменка и студентка физкультурного института.

Наконец, Юрка: герой прошлогоднего похода на плотях через Хомутовский порог; мой ровесник и студент СМИ; всегда аккуратен и опрятен – и в одежде, и в мыслях.

* * *

Ну, двинулись! Для клещей было рановато, в чём моя четвёрка уже убедилась накануне, и мы смело по тропке через кусты направились прямо к знаменитому провальному озеру¹. Я уже бывал тут как-то летом, но на этот раз почти всё озеро было покрыто льдом, только вдоль берега появилась узкая кромка воды. Галка шагнула на лёд, вроде ничего. Остальные расположились амфитеатром на крутом склоне. Я уже пришёл в себя от приключений позапрошлой ночи, и захотелось поделиться своими познаниями. Тоже зашёл на лёд и, делая выразительные жесты, выдал сведения из Большой советской энциклопедии: что глубина озера около 70 метров, размеры где-то 40 x 20 метров, вода, сами видите – цвета морской волны от наличия минералов меди. А вообще-то здесь добывали железную руду для нашего КМК – видите, над озером обрывистая скала высотой метров 50, в которой видны выходы старых штолен. Ну, и так далее.

Поскольку ещё двое хотели зайти на лёд, я, чтобы не тесниться, сделал шагов пять дальше от берега – и провалился по грудь, успев выбросить вперёд руки. Вокруг меня с лёгким хрустальным звоном, переходящим в шёпот, всплывали игольчатые льдинки, выныривая вертикально и ложась на бок, все как одна неизменной длины 25-30 см, равной толщине льда. А сзади раздавались возбуждённые крики моих товарищей. Я вылез на лёд, оставаясь спиной к берегу. Теперь надо было развернуться и искать обратный путь. Как физик, сообразил, что лучше оставаться на четвереньках для распределения нагрузки. И что? – снова провалился, теперь уже с руками, по шейку. Поднял из воды изрезанные острыми кромками льдин руки и осторожно полез на лёд. Паники не было: к тому времени мне уже дважды довелось тонуть и самому спастись – правда, летом. Ломается лёд? – ну ладно, буду двигаться как ледокол, круша льдину, берег-то вот он! Конечно, какой-то шум в ушах был, и не только от шороха льдинок, но и изнутри, но способности оценивать обстановку я не утратил.

Народ в основном с бестолковыми криками носился по берегу, и только один Санька проявил отменную реакцию и действовал: коротким окриком заставил свою Галку вернуться

на берег, цепким взглядом охотника быстро нашёл сухостойную берёзку, выломал её и пробросил на лёд в мою сторону. Я поймал, и вытянули меня, сначала, как баржу на мель, на более прочный участок льдины, а с неё – и на берег, но уже стоя. Девчата потупили взоры, когда я снимал с себя мокрое, и по команде Джима двинулись в путь; кто-то из парней дал мне штаны, оставшись в трико, кто-то – свитер, оставшись в рубашке. Я вылил из вибратов воду, отжал носки, обулся и побежал догонять группу, на ходу выжимая мокрую одежду. День был тёплый, без ветра, так что обошлось без простуды.

* * *

На Тельбесском «Бродвее» делать особо было нечего: народу никого, магазин выходной. Купили молока и там же его выпили, вот и все развлечения. Развернулись идти домой и увидели две странные тёмные фигуры, вяло бредущие по проулку со стороны реки. Ба, да это же наши дежурные, Татин с Шипарей, оба – мокрее меня. Этих переодевать не было смысла, пришлось паре парней и взволновавшейся Людке гнать их бегом до самой хаты, чтоб не замёрзли окончательно. Ну, и я с ними.

Поначалу акванавты вообще ничего сказать не могли, но, переодевшись в сухое, выпив водки и согрившись у костра, они рассказали свою историю. Отправив нашу компанию, они решили устроить сюрприз, появившись в посёлке раньше нас. Побросали вещи в хату, закрыли на замок, нашли два бревна, связали плотик, взяли в руки подобие шестов, оседлали брёвна и поплыли... до первого поворота реки, где их стукнуло об скалу, и плотик развалился. Дальше пришлось идти пешком, местами вброд; обогнать нас им не удалось, но «сюрприз» состоялся.

К вечеру Шипаря от пережитых волнений и принятой водки (включая Людкину порцию) заторчал: сел на пенёк отдельно от всех и заговорил сам с собой – довольно внятно и выразительно, с ругательными интонациями. Я прислушался: говорит чисто по-английски. Хотел сам с ним пообщаться или позвать специалистку английского языка Иру с Ольгой, но Людка была начеку и замахала руками: «Отойди, он всегда такой, когда вмажет, оставь его в покое!». Пришлось подчиниться.

* * *

В обратный путь отправились заблаговременно, но на пригородный поезд всё равно опоздали, а следующей должен быть через сутки. Добровольные разведчики нашли товарняк, идущий в Новокузнецк часа через два. Мы убавили громкость разговоров, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, и расположились так, чтобы при отправке товарняка быстро заскочить в присмотренный пустой вагон. Посадка прошла нормально. Вагон оказался довольно опрятным – если не считать небольших сугробов зерна по углам, и дверь удалось достаточно плотно закрыть изнутри. Хотя время было не очень позднее, решили сразу лечь спать, чтобы не проспять платформу «6-й км».

Куда там! Сначала не могли заснуть, потом стали мёрзнуть, потом разоспались и, конечно, прозевали свою «остановку». Собственно, остановки как таковой не было, а прыгать на тихом ходу мы оказались не готовы, так что решили спать до упора. Проснулись в седьмом часу, когда поезд уже стоял на сортировке вблизи вокзала. Собрались довольно быстро – но нас уже встречали: от головы и от хвоста поезда по обе стороны путей в нашу сторону двигались бойцы военизированной охраны, по пути заглядывая в каждый вагон. Видимо, о нашем ожидаемом прибытии им сообщили из Мундыбаша. Не будь с нами девчат, мы бы попытались смяться – вряд ли в нас стали бы стрелять... А так – пришлось подчиниться, и ликующие в душе, но суровые внешне ВОХРовцы отконвоировали нас «в участок».

Это была просторная комната – что-то вроде «Красного уголка». За столом восседал с самым серьёзным видом начальник – кажется, старшина; у двери застыл часовой, его товарищи курили на улице. Татин с Лежей быстро собрали деньги, сэкономленные на билетах, плюс какую-то мелочь, и подсели к столу старшины для переговоров. Остальные расположились вдоль стен; девчата потихоньку хихикали между собой, парни помалкивали. Все были по-студенчески беззаботны, только Галина заметно нервничала: ей необходимо

было успеть на работу, а надежда на это таяла с каждой минутой; Юрка, стоя рядом с ней посреди комнаты, пытался её успокоить.

От стола доносился приглушённый до интимности голос Татина. Старшина правой рукой играл шариковой ручкой над бланком протокола, левой – отодвигал от себя жалкую кучку мятых рублей с мелочью, а Лежа всё возвращал её на место. Это продолжалось какое-то время. Терпение Галины, похоже, лопнуло; она извлекла из сумочки лиловую купюру, решительно шагнула к старшине, назвала его «товарищем лейтенантом» и положила купюру на стол. Служака привстал перед дамой, но как-то не очень молодцевато: правая рука, проворно отшвырнув ручку, накрыла собой купюру, а левая – кучку мятых рублей, которую Лежа попытался было умыкнуть. «Усманов! – прозвучал командный окрик. – Дверь открыл! Так, все свободны, и чтоб я вас больше...».

* * *

Другого такого похода, насыщенного не столько пройденными километрами, сколько неразумным поведением участников, у меня больше не было.

Но если кто-то станет утверждать, что бывают походы, полностью свободные от дурацких эпизодов, я ему не поверю.

(2011)

В начало

Тузик

До знакомства

Рустем родился, кажется, в 1951 – в самый разгар послевоенного «бэби-бума». Отец – казах, мама – татарка, а сам он – типичный алматинский пацан: тюркские языки понимает, но говорит только отдельные слова, переделанные на свой лад, типа «рахатизм» – то есть «вкуснятина» или ругательное «катындарский» – то есть «бабский». В школьные годы активно занимался спортом – всеми видами помаленьку, и эту привычку сохранял в зрелые годы. Без особых раздумий и усилий поступил в «политех» на обогащение полезных ископаемых – одну из самых востребованных в Казахстане специальностей (тогда моды на юристов-экономистов ещё не было). Была военная кафедра, и одно лето довелось провести «в лагерях» в реальной воинской части ВДВ: с марш-бросками, ночными прыжками и стрельбой. Это было в тех местах на Юге Казахстана, где когда-то кочевали его предки по отцовской линии.

В конце учёбы Рустем женился на студентке мединститута Нэле – тоже алматинке; её мама рано умерла, и отец женился повторно. У Рустема были младшие братья-близнецы, а у Нэли – младшие сёстры, так что молодожёны, получив дипломы, покинули Алматы, взяв распределение в город Текели.

С городом им повезло: он был основан перед войной на базе месторождения свинца и цинка, там возник горно-обогатительный комплекс – но без металлургии, губительной для экологии. К 70-ым годам город оброс необходимой инфраструктурой, появились предприятия иного профиля и приличный медицинский комплекс. Молодая семья почти сразу получила небольшую квартиру в уютном квартале для ИТР рядом с фабрикой.

На обогатительных фабриках Союза существовало правило: молодой специалист в течение первого года должен был поработать на всех рабочих местах: на дробилках, на мельницах, на флотации, в реагентном отделении и в отделении обезвоживания. В дополнение к этому парней могли направить к слесарям или электрикам, а девочек – к исследователям или в ОТК. После этого ставили на инженерную должность, но и потом случалась ротация. Так что специалисты знали фабрику, как свои пять пальцев. Рустем прошёл все положенные этапы и к 30-ти годам был назначен главным инженером фабрики. Начальник фабрики Будников был его наставником, а в некоторых случаях, что называется, «отцом родным».

Нэля работала терапевтом в поликлинике, в больнице и, кажется, ещё и в профилактории. У них росла дочка Зарина. Сформировалась дружная компания друзей, в основном таких же молодых специалистов, в большинстве алматинцев. Но было среди них два корейца – хирург Олег и горный электрик Вовочка, оба – потомки тех дальневосточных корейцев, что в войну были вывезены в телячьих вагонах и высажены зимой в степь у станции Уштобе.

Знакомство

В начале 1980-х в Жезказгане была проведена молодёжная конференция по горно-обогатительной тематике. Наш институт направил свою молодёжь. Я по возрасту не подходил, но тоже поехал, приурочив к конференции очередную командировку на Жезказганский комбинат. У меня был совместный доклад с одной более молодой особой из нашей лаборатории. Впрочем, она так разволновалась, что не смогла сделать доклад – ну, не важно. Вечером в гостинице, в номере знакомых мне парней обсуждали предстоящую экскурсию на новый Жезкентский горно-обогатительный комбинат. Я раздумывал, стоит ли ехать или надо остаться утешать расстроенную девицу, но когда Жора стал собирать «по рублю» на завтрашнее мероприятие, решил отбросить сантименты. Жора собрал деньги, взял свой новый шикарный дипломат по прозвищу «семь штук», сходил в магазин и, вернувшись, продемонстрировал публике семь бутылок «Пшеничной», поместившихся в ряд с минимальным зазором.

Утром подали экскурсионный автобус, и при посадке я услышал возгласы «Рустем! Тузик! Руст!» – это мои молодые коллеги радостно приветствовали своего студенческого друга и героя моего повествования, о существовании которого я тогда ещё не знал. Явился симпатичный парень моего роста (182 см), но более атлетического сложения, со сверкающими чёрными глазами и белыми зубами из-под свисающих по углам рта чёрных усов. Тузик (детское прозвище, производное от фамилии) опоздал на конференцию чуть ли не из-за недавнего назначения главным инженером, с чем его и поздравили первым тостом. Ехать надо было часа три, так что все «семь штук» были освоены, прежде незнакомые лица перезнакомились и спели хором немало песен. Особенно удалась «Из-за острова, на стрежень», которую нам с Тузиком довелось исполнять на «бис»; я научил его особой манере инициации повтора, которую подслушал когда-то у маминой родни в Курганской области. Сильно пьяными мы не были, а за пение даже были поставлены в пример пассажирам другого автобуса – горнякам. Впрочем, повезло, что нас сначала накормили обедом, а потом только повели к руководству и на дальнейшую экскурсию. Но от обилия впечатлений дня на обратном пути мы уже не пели, а кемарили.

Спустя несколько недель Рустем оказался в Алматы и появился в «Казмеханобре». Мы с ним встретились, как родные; он вспоминал наш удачный дуэт и приглашал в Текели, где я до сих пор не бывал. Я тогда выбирал площадку для проверки лабораторных наработок, и личное знакомство с главным инженером фабрики существенно повлияло на принятие решения.

Текели: работа

В Текели мне понравилось: симпатичный городок, относительно близко от Алматы, а главное – я убедился в реальном наличии проблемы с обезвоживанием флотационных концентратов, решение которой могло стать результатом моих личных трудов. Тузик, как и прочие профессиональные обогатители, на обезвоживание особого внимания не обращал и поначалу никакой проблемы не видел. Я знал, что он ежедневно, даже в выходные, вставал часов в шесть утра и, не завтракая, мчался на фабрику, обходя её всю по раз навсегда выбранному маршруту, а уж потом возвращался, завтракал и спокойно шёл на работу. Проверял он в первую очередь запас руды в бункерах и состояние дробилок и мельниц, во вторую очередь и более бегло – зал флотации, и только в последнюю очередь – отделение обезвоживания, да и то больше в части отгрузки готовой продукции. Разумеется, беглость

осмотра «нижней» части фабрики была оправдана наличием узких специалистов, которые сами следили за своим хозяйством, но... У меня был иной подход, иная точка зрения.

Вторая особенность Рустема – он относился с ухмылкой к попыткам каких-то там физиков сделать что-то полезное в его родном хозяйстве: ковыряются, мол, и ладно. Я, пользуясь его дружеским расположением, являлся к нему в кабинет, когда он был более-менее свободен (якобы на чай), а то и к нему домой. Сначала задавал много вопросов, над наивностью которых он просто балдел, потом стал делиться своими соображениями, потом стал докладывать некоторые результаты. Он всё посмеивался. В конце концов, на него подействовала такая вещь. На фабрике ведь грязно, без рабочих ботинок или сапог пройти нельзя, и наша группа с самого начала не стала пижонить в халатах, а взяла за правило переодеваться в рабочую одежду. Мы привезли с собой или взяли у местных исследователей кое-какое простое оборудование, выпросили место на самой верхотуре и таскали туда пульпу для своих опытов. И вот я стал ловить удивлённо-заинтересованные взгляды главного инженера и понял, что наш деловито-перепачканный вид ему импонирует. Я попробовал явиться в таком виде к нему в кабинет, но понял, что это перебор – несмотря на извиняющийся вроде бы конкретный повод. Ладно, я отступил, пришёл в другой раз в чистой одежде и положил на стол обоснованное предложение о проведении промышленных испытаний простого мероприятия, направленного на исключение потерь со сливом сгустителя. Тузик довольно засопел – видно, ждал этого момента – и потащил меня к начальнику фабрики. Я понял, что Рустем с Будниковым обсуждали между собой нашу работу. Разрешение на испытания было получено, шланги выделены, реагенты подведены – и уже через сутки сгуститель освободился от пены; осталось только уточнить режим и зафиксировать результат, что и было сделано.

Этот успех переломил отношение к нашей группе, и первое, чего мы добились – выделения захламлённого помещения и сварщика со слесарем, которые помогли нам оборудовать собственную лабораторию в удобном для нас месте. Я решительно перевёз в Текели все свои лабораторные электроосмотические фильтры, а потом и более солидные установки по мере их готовности мы тоже испытывали в Текели.

Текели: общение

Наши неформальные отношения тоже развивались нормально. Он познакомил меня в Нэлей и Зариной. Дочку он называл «мартышкой» – очень похоже она висла на нём, а в строгие минуты – «мадам». Поначалу я заходил к Тузику домой, только если не удалось встретиться в кабинете, а когда они получили квартиру попросторнее, и я немного помог с ремонтом (обдирал старый кафель), я стал бывать чаще. Благодаря знакомствам Нэли в книжном магазине, у них сформировалась богатая библиотека, которой я частенько пользовался.

Руст рассказывал о военных сборах на земле предков и показал мне свои фотографии в форме ВДВ и с аккуратными усами, которые потом дополнились подусниками по углам рта. Позже ему снова довелось побывать там – на этот раз хоронили родного дядю, старшего брата отца. Рустему дали посох и пояснили по-казахски: «Чтобы плакать». Он посмотрел, как другие мужчины делают, так же сложил ладони на головку посоха, опёрся подбородком, притих – и слёзы сами полились из глаз. На поминках его усадили бешбармачить за один дастархан с текелийским председателем горисполкома – он оказался из того же рода.

Тузик познакомил меня со своими друзьями-корейцами. Однажды он привёл меня к Вовочке на шашлык якобы из собаки – я ел с опаской, а позже Тузик признался, что это свинина. В другой раз мы поехали к родителям Олега на плантацию лука, помогали затаривать подсохший лук в мешки. Старая (на вид) мать Олега неутомимо бегала по просторному участку, обеспечивая нам фронт работ, не забывая параллельно готовить обед. Отец был занят в другом месте. Всем своим многочисленным детям они дали высшее образование, а доходы от лука шли на обзаведение квартирами, машинами и прочим. Мне показали устройство знаменитого корейского кана в землянке, сооружённой «из ничего». Кан – это маленькая печка

в углублении, дымоход от которой проложен зигзагом под земляной лежанкой. Кан обеспечил корейцам выживание в зимней степи.

Других друзей Рустема и Нэли я тоже знал, но более поверхностно. Меня поразило, что в их поначалу дружной молодёжной компании завёлся некий «вирус» распада супружеских пар. Если не ошибаюсь, было три развода, причём из разведённых вскоре составились две новые супружеские пары.

Однажды мы с Рустом оказались на соседних койках в одной больничной палате: он по настоянию друзей проходил обследование, а меня прихватил приступ аппендицита как раз в командировке. И Тузик издевался надо мной (в шутку, конечно), когда через несколько часов после операции мне приспичило в туалет. Но сам же и помог мне перевести себя в вертикальное положение.

Рядом с фабрикой был ничейный сад, бывший питомник, в котором ветви урюка ломились от спелых плодов, и Нэля посоветовала мне сварить их, предоставив тазик и консультацию, так что в тот раз я вернулся из командировки с ведром отличного варенья. Был я и на их даче – точнее, на участке с символической оградой и беседкой вместо домика. Собственно, большего и не требовалось, так как участок находился недалеко от дома. Зато воды было – хоть залейся, не то, что в Алматы, где вода по графику. Так что картошка, кусты смородины, клубника и молодые деревья выглядели нормально. Впрочем, растениеводство моего друга не увлекало.

«Рыжуха»

Рустем по-детски страстно мечтал занять машину. Зарабатывал главный инженер больше научного сотрудника, но жить они привыкли на широкую ногу, так что накопить полную сумму не получалось, к тому же надо было ещё выстоять очередь. С очередью помог отец – ветеран труда; впрочем, с деньгами тоже. Тузик был счастлив! Это были «Жигули» второй модели с удлинённым салоном и пятой дверью. Цвет – злые языки назвали бы «цветом детского несчастья», но Руст назвал её «Рыжухой». Поначалу как водитель он был «никакой», но довольно быстро освоился. Через какое-то время в нашей семье тоже появилась машина («Жигули» похожей конфигурации, только «четвёрка»), но мои восторги по этому поводу меркли на фоне восторгов Тузика.

Тем временем Будников перевёлся с повышением на другой комбинат, и Руст был назначен начальником фабрики. Это был качественно новый уровень, выводящий в недоступные ранее городские сферы, в которых надо было как-то сориентироваться. Должность предполагала участие в некоторых городских комиссиях. Там Тузик немного повздорил со своим родственником: горисполком привычно требовал рабочих для очередных общегородских нужд, а Тузик возражал.

Освоившись с машиной, Рустем поставил себе задачу рассчитаться с долгом. Он перебрал несколько вариантов и остановился на черешне, которой Текели так же богат, как урюком. Дождался сезона, оформил отпуск и приготовил коробки. Шёл 1986 год, и как раз партия и правительство объявили борьбу с нетрудовыми доходами, что несколько смущало, особенно такие слова в постановлении, как «спекуляция» и «использование транспортных средств». Поразмыслив, Тузик решил подстраховаться Книжкой садовода-любителя с перечнем фруктовых деревьев и справкой об уплаченных членских взносах. Но главная мысль была: «Уж начальника-то фабрики они не тронут!» – казакпайский вариант русского «авось». Какую-то часть черешни собрал со своего дерева, а в основном разнёс коробки по соседям. Утром расплатился с соседями, забил коробками заднюю половину салона «Рыжухи» и вдвоём с напарником выехал на Север, в Усть-Каменогорск.

На выезде из города их тормознули «гайцы», тут же появился ОБХСС – и на этом поездка закончилась. Книжка и справка не помогли. Напарник оказался рецидивистом (был ранее осуждён за мелкие нарушения) и «засланцем», и услужливо перечислил всех соседей, у которых скупали черешню. Тузика мурыжили до вечера и отпустили под подписку о невыезде, но машину с грузом оставили на штрафной стоянке. Дальнейшие события развивались с

неумолимой последовательностью, показавшей, что возврат к прежней жизни невозможен. Вслед за постановлением о возбуждении уголовного дела состоялось заочное исключение из партии. За этим последовало требование вывезти на свалку прокисшую черешню – при действующем аресте на машину. Рустем считал это кознями родственника и не мог к нему обратиться; Будникова, чтобы посоветоваться, не было – пришлось подключать братьев.

Близнецы

Братья Рустема близнецы Нургали и Ергали вымахали к этому времени под 190 см, налились мускулатурой, закончили Высшую школу милиции (или что-то в этом роде), служили в правоохранительных органах. За всю жизнь я видел их несколько раз, но ни разу обоих рядом, поэтому не мог их различить. Хотя они были, конечно, разными: один тяготел к оперативной работе, другой – к аналитике и стал в итоге кандидатом юридических наук. Некоторое время назад они оба уже стали полковниками.

В тот раз на выручку Тузику приехал «оперативник». Когда я вошёл, он рассказывал про Олимпиаду-80. Нынче отмечается 30-летие Олимпиады, и я отвлекусь ради его рассказа. Его откомандировали на несколько месяцев в Москву обеспечивать безопасность девушек, создававших на Восточной трибуне Лужников так называемый «художественный фон». Никакие они не спортсменки: формально они были приняты в ПТУ, но обучали их только работе на трибуне. Молодые девчонки жили в изоляции, как в зоне. Задача круглосуточной охраны была триедина: не допускать посторонних, не выпускать девиц, пресекать внутренние разборки. Говорили девицы исключительно матом. У них было модно курить сразу две сигареты. На трибуне их было (по разным данным) от 4,5 до 5 тыс. человек. Зная отношение власти к «human resources» в мероприятиях такого рода, можно предположить, что с учётом возможной «утруски» их число поначалу могло составлять до 10 тыс. человек – точно он не знал.

Но вернёмся к Тузику. «Оперативник» выяснил, что родственник не виноват, но и помочь не сможет: всё решалось в горкоме, и там были рады, что в расставленные сети попала столь крупная рыба, и не собирались отказываться от успеха, который позволял им на мажорной ноте закруглиться с дальнейшей «борьбой». Материалы дела уже ушли в суд, и надо было «работать» с судом. Подробностей этой «работы» я не знаю, так как моя командировка подошла к концу, а в следующий приезд в Текели я Рустема уже не застал. Суд был, но его не посадили; чтобы вернуть долг, пришлось отказаться от «Рыжухи»; на фабрике и в предавшем его парткоме комбината он принципиально не появился; руки горкома были коротки, или команды не было, но из «номенклатуры» Минцветмета его не исключили. И вскоре он стал начальником фабрики в пос. Карагайлы – вблизи от середины сорванного маршрута.

Я продолжал ездить в Текели, где готовились завершающие испытания наших установок; заработанный при Будникове и Тузике авторитет действовал при их преемниках. Заглядывал к Нэле с Зариной, чтобы морально поддержать, поднять из погреба картошку и узнать новости. Тузик звал их к себе, и Нэля съездила на разведку. После Текели в Карагайлы ей не понравилось категорически: работы для терапевта нет, нормальной школы для Зарины нет, нормальной квартиры нет, привычного круга общения нет, все говорят по-казахски, а по улице ветер гоняет мусор. В общем, они не поехали.

Алматы

Время шло, и моя основная работа из Текели сначала переместилась в Усть-Каменогорск, а потом и вовсе «сошла на нет», и я оказался на госслужбе – в Министерстве промышленности и торговли. Тузику в Карагайлы нравилось не больше, чем Нэле, но заставить себя возвратиться в Текели после всего пережитого он не смог – и объявился в Алматы. Мы, естественно, встречались.

Тузик хватался за разные дела. Тем более что борьба с нетрудовыми доходами ушла в историю. Помню, он возил меня далеко за город показать арендованное хозяйство по засолке и копчению рыбы. Мне показалось на миг, что он выглядит так же уверенно, как на фабрике. Он

даже сам продавал однажды эту рыбу в вестибюле нашего института. Наша группа помнила доброе отношение, знала его злополучную историю и охотно помогла ему: мы выставили стол и весы, сделали рекламу и купили сами. Но всё это было не то.

В Алматы как будто вернулись времена НЭПа. Все пытались продать друг другу нечто, чего у них не было, причём вагонами. На удивление, иногда кое у кого что-то получалось. Тузик приходил к нам домой часто, но общаться не получалось: он сразу же брал телефон и начинал звонить. Говорил вроде бы по-казахски, но то и дело проскакивали слова «металл», «прокат», «растаможка», «ты чо, дурак?» и всё в том же роде. Не каждый раз удавалось усадить его за стол, чтобы хоть немного поговорить. Выглядел он неважно, его беспокоил застарелый гастрит.

Тузик всё же надыбал свою тему. «Агашки» ещё не успели подмять под себя весь экспорт цветных металлов, и Руст нашёл старых знакомых, имеющих лицензию на экспорт или знающих, как её получить. По этим делам он бывал в нашем министерстве и однажды появился в моём отделе, сопровождая некую русскую даму делового вида; мы обменялись визитками, но зачем она приходила, я не очень понял. Можно было предполагать их близкие личные отношения, но прямо об этом не говорилось. Несомненно одно: Руст был принят в успешный бизнес. Он распрямился, вислые усы стали торчать веселей. Рассказал без подробностей, что по делам фирмы уже побывал в Штатах.

Штаты

Однажды мне на работу позвонил один из близнецов, договорился о встрече и тут же пришёл. Это был, кажется, «аналитик», и выглядел он солиднее, чем «оперативник» – впрочем, с той встречи прошло несколько лет. У него были вопросы, но прежде он ввёл меня кратко в курс дела. Оказалось, что после возвращения из Америки Тузик встретился с Нэлей и Зариной, которые приехали в Алматы в отпуск и на каникулы, повёл их по магазинам, купил по их выбору шубы, сапоги и другие шмотки на приличную сумму, проводил к тестю с тещей, пообещал прийти вечером – и больше они его не видели.

Я честно рассказал ему всё, что знал, но было очевидно, что знаю я не так много, ведь Тузик о своих делах ничего конкретного мне не говорил. Я отдал визитку той дамы, но зачем она приходила – сказать не мог, только предположения. Судя по реакции, про даму он знал, но ему было важно подтвердить сведения из разных источников. Похоже, он договорился и о других встречах в нашем министерстве, так что вскоре ушёл, а перед уходом оставил свой телефон на случай, если Тузик даст о себе знать.

Но Тузик не появился. Зарина закончила школу и по совету близнецов поступила в Высшую школу милиции, а Нэля решала, то ли покинуть Текели, то ли остаться там, порекомендовав студентку заботам мачехи и сестёр. Выбор был непростым, как и время, в котором мы все жили. Что она решила, я не знаю, так как мы сами уехали в Астану, и связь прервалась.

* * *

В одну из последних встреч Нэля говорила, что некий старый знакомый, не знавший этой истории, неожиданно столкнулся с Рустом на набережной то ли в Нью-Йорке, то ли в Майами (не помню); они поболтали, но ничего существенного о Тузике этот знакомый сообщить не мог.

Близнецы иногда появляются в новостях на экране телевизора или в печати. Одного из них я видел довольно близко (впрочем, через решётку ограды), но он командовал своими стоявшими в строю подчинёнными, и поговорить было невозможно.

Зарина выучилась на пресловутого юриста и стала работать в Алматы; в Сети промелькнул её электронный адрес; я ей написал, задав простые вопросы, но она не ответила. Думаю, для человека, испытавшего серьёзные потрясения в столь нежном возрасте, это извинительно – всё забыть, включая людей, которые могут напомнить о неприятном.

(2010)

[В начало](#)

Тяма ученого

Зрители одного старого советского фильма чётко знают: в Греции всё есть. Точно так же проф. А.Зализняк знает всё – ну, то есть знает этимологию и правописание всех русских слов. Или почти всех: я сомневаюсь насчет слова «тяма», услышанного мной в 1973 году в Алма-Ате.

Тогда столице КазССР ещё не была дана команда стать «миллионным» городом, поэтому для сохранения столичного продуктового рая рост населения жёстко ограничивали. На работу не брали без прописки и не прописывали без работы. Моему тестю, возглавлявшему крупное управление на домостроительном комбинате, удалось разорвать для меня этот замкнутый круг, но работа нашлась скромная – слесарь по ремонту башенных кранов. Хотя за плечами был Физфак НГУ и четыре года исследовательской работы в Ангарске.

Получив работу, можно было прописаться. А в дальнейших планах было добиться разрешения пристроить пару комнат к небольшому ведомственному коттеджу, в котором жили тесть с тещей и куда подселились мы с двумя детьми. Арифметика с нормативными квадратными метрами хоть с натяжкой, но должна была сойтись.

Наша небольшая бригада разъезжала на «ГАЗике» с будкой «Техпомощь» по всему городу: мы выполняли несложные, но грязноватые работы по плановому обслуживанию и экстренному ремонту кранов. Ребята были простые, но с выдумкой. Здесь я пополнил свою лексику новыми выражениями типа «за всю мазуту», «тямы нет», «крановой» вместо «крановщик», ну и нецензурными тоже.

Бригада была местом ссылки проштрафившихся крановых, но два-три человека составляли её постоянный костяк. Алексей знал всю работу лучше других и давно её перерос, но его удерживали обещанием пятого разряда (должность бригадира не предусматривалась) и эфемерной надеждой на получение квартиры. С моим приходом у него всё рухнуло: разряд дали мне, а узнав в конторе про моё родство с шефом, он решил, что и квартира ему тоже не светит.

Я этих тонкостей поначалу не знал и не понимал его раздражения. Тем более что остальные отнеслись ко мне нормально. Называли «зятком», «ученым», но ненавязчиво, в шутку. Я вполне осознанно признавал авторитет Алексея, не уклонялся от тяжёлой работы, вникал во все тонкости, чтобы не допускать промахов, и даже пытался что-то рационализировать. Алексей имел тяму: понимал, что лично моей вины тут мало, так что конфликт ушёл в латентную фазу.

В августе стояла страшная жара – к металлу нельзя было прикоснуться без рукавиц, и после загрузки в будку инструмента, запасного троса и прочих нужных грузов важно было вовремя заскочить и занять место у окна, на спасительном ветерке. Борьба допускала силовые приёмы, но без нанесения увечий. А ложные манёвры, сговор и другие штучки вызывали искреннее веселье, если они приносили желаемый результат.

Память заблокировала имя парня, пришедшего к нам в это время – сразу после армии, с печатью дедовщины во всем облике. Я даже удивился, насколько очевидно было его стремление прокняпать ситуацию: кому подчиняться, а кого гнобить. Видимо, в армии ему пришлось очень нелегко. С его приходом невнятный конфликт вышел из латентной в активную фазу. Парень быстро решил для себя: Алексей – «пахан», а гнобить надо меня. Вновь прозвучала, но уже с издёвкой, кличка «ученый». Возня за место у окна стала инструментом насилия. Я не собирался поддаваться, возникла драка, нас разнимали. Всем стало не до веселья.

Вечером я проанализировал ситуацию. Сколачивать свою партию из сочувствующих мне, а такие были, чтобы «передавить» – казалось мне неправильным. Эти комсомольские штучки с разоблачениями и мобилизацией всех на борьбу с отдельными негативными проявлениями были не по мне. Надо противопоставлять личный ресурс...

Утром я шёл на работу с отверткой в кармане и решимостью применить её в качестве холодного оружия – или продемонстрировать угрозу применения. Прикидывал, куда бить – чтобы сразу до крови, но без опасных последствий.

Но скоро выяснилось, что моя «партия» тоже существует, и сложилась она без моего активного вмешательства. Видимо, аномальное поведение недавнего бойца коробило не только меня. Да и отпор я всё же сумел дать, пока не разняли. Но отвертку в кармане я носил ещё несколько дней.

Мне и раньше в часы досуга доводилось отличиться в отгадывании кроссвордов или решении каких-то логических задач из «Вечёрки». А тут, когда мы размывались и переодевались, пришёл мастер с соседнего участка с задачей по физике. Я ему быстренько объяснил, и он, преодолев первоначальное смущение, достал всё семестровое задание. Я краем глаза увидел, как народ напрягся, и понял, что это шанс. Я сказал «Ладно, сделаю!» и помчался домой. Наскоро поужинав, я уселся поудобнее и не пошёл спать, пока не решил все задачи. Меня беспокоило только одно: поймет ли студент мой торопливый почерк и специфические сокращения.

Наутро, узнав, что дело сделано, мои «однопартийцы» устроили цирк: шумно вызвали студента, нарочито торжественно вручили решённые задачки, требовали бутылку с закуской. Алексей солидно помалкивал. Жертва дедовщины сник. Конфликт был исчерпан.

Я проработал в бригаде семь месяцев. За это время благодаря тестю получил прописку и разрешение на пристройку. Надежды Алексея на получение квартиры оказались тщетными, и он уволился. Боец слинял ещё раньше. С оставшимися ребятами я встречался поначалу довольно регулярно; мы усаживались, закуривали, я рассказывал про новую работу в НИИ. Постепенно все поувольнялись, и приходиться стало не к кому.

(2009)

В начало

У брода

На излёте карьеры мне довелось познакомиться с теорией маркетинга. С этой позиции представляется, что молодёжная мода была задумана как маркетинговый проект мирового масштаба с целью создания широкого и устойчивого спроса на молодёжный ассортимент. Проект продолжается и поныне; можно рассматривать несколько его волн, и одна из них в 1960-х перехлестнула через железный занавес.

Лишь по недоразумению этот проект приобрёл в специфических условиях СССР некие идеологические (или, лучше сказать, – анти-идеологические) черты. Да, новые возможности можно связать с оттепелью. Но я не о причинах и следствиях. Я о том, как молодёжная субкультура открылась юношескому взору в тот момент, когда этот условный юноша впервые стал видеть дальше собственного носа.

Стиль

Жителям Новокузнецка стилиаги явились в образах, созданных популярным журналом «Крокодил», задолго до появления в городе самих стилиаг. Вспомним эти образы.

Чувак: набриолиненный кок, нарочито гаденькие усики и бакенбардики, свисающий с губы окурок заграничной сигареты, пиджак с немереными плечами, яркий галстук с кривляющейся обезьяной, брюки-дудочки обязательно не того цвета, что пиджак, цветные носки и штилеты на каучуковой платформе.

Чувиха: в одежде не столь жёстко определённый набор (какая-нибудь условная блузка, юбка колоколом и ажурные чулки – но возможны варианты), зато как обязательный стереотип – накладные ресницы, густо намалёванные и как бы накладные губы, длинные и яркие ногти и огромные кольца в ушах. И опять же туфли на неправдоподобной платформе. Стоит заметить:

вскоре женская мода, хотя и не во всём сразу, превзошла самые смелые фантазии крокодильих художников.

Живьём видеть чуваков, подобных крокодилей карикатуре, не приходилось совсем. Возможно, они наряжались именно так, но в узкой компании. А чувихи встречались. В нашем подъезде жила некая Галка Чепурнаева, старше меня года на 2-3, сразу после школы работавшая на фабрике. Однажды мы сидели на лавочке у подъезда (по обыкновению ногами на сидении, задницами на спинке), когда она прошла мимо нас, вся такая. На голове – «Бабетта едет на войну», или «Я упала с сеновала», морковные губы, широкая жёлтая блуза, узкие зелёные брючки до середины голени, на шее – пёстрый шарфик, что-то на ногах. В целом довольно близко к одному из крокодильих вариантов. Мы восхищённо-иронически присвистнули, получив в ответ небрежный взмах наманикюренной ручки, а мелкая пацанва со всего двора долго бежала за ней с криками «Чипура – стилияга!» и «Галя – чувиха!».

Отдельные элементы стильного антуража встречались даже в школе. Кто-то напوماживал брильолином (позже стали писать: бриолином) и зачёсывал кверху волосы, кто-то приносил в кармане стянутый у старшего брата галстук с обезьяной. А узкие брюки стали повальной молодёжной модой, и пацаны взялись ушивать штаны своими руками. В школах вводили норму: не уже 22 см. Случались акции публичного распарывания чересчур ушитых брюк.

Мы с братом Саней тоже протестовали против более широких штанин и слышали от бати, что в его молодые годы была противоположная тенденция, но на флоте. Матросы расшивали форменные брюки вставками, чтоб «клёши новые мели асфальт, ха-ха!», как пелось в одном из вариантов популярного тогда фокстрота. Помните: «Жанетта», такелаж, таверна, четырнадцать английских моряков, гигант-француз, крошка Мэри, диван, кортики и маузер. И печальный финал: «пришлось боцману команду новую, хоть и хреновую, себе искать, да-да!».

А штиблеты на каучуковой платформе практически так и не появились в наших краях, отдалённых от столиц. Пацаны в части шузни обходились доступными «скороходами» на микропорке и мечтали о «корочках» на кожаной подошве, подходящих для школьных вечеров, но раскисающих от влаги.

Не появились ещё к середине 1960-х и пресловутые джинсы, как массовый объект вожделения и спекуляции, но отдельные эпизоды были. Мой знакомый по спортивному лагерю футбольный вратарь Лёнька Сонин стал известен благодаря тому, что родители, командированные в Канаду, прислали ему джинсы, аналогов которым я так и не встречал никогда больше. У них были молнии почти по всей длине штанин и два ряда кнопок, чтобы фиксировать подвороты на любой высоте. Да, с такими штанами даже без приложения душевных усилий все чувихи были его!

Брод

Одновременно со «стилем» в жизнь вошло понятие «бизнеса», или «фарцы», то есть спекуляции модными шмотками и прочим потребительским дефицитом молодёжного ассортимента (спекуляция дефицитом взрослого ассортимента была всегда). Какую-то часть спроса составило увлечение западной музыкой.

В моём представлении стилияги и фарцовщики слились в единый образ, то есть чем персонаж фарцевал, то и для себя оставлял: две штуки товара толкнул – третья штука твоя. Ядро этой бригады составляли парни немногим старше меня, с 1941-43 годов рождения – преимущественно дети обеспеченных родителей, настолько уверенных в своей брони от призыва на фронт, что позволивших себе заводить детей в разгар войны.

Стилияги и фарцовщики оставили неизгладимый след в облике нашего города: они основали Бродвей, или Брод.

2,5-километровый проспект Metallургов брал своё начало у вокзала и «тёк» строго на север. А локализация Брода состоялась на участке проспекта длиной примерно 800 метров в среднем его «течении», по западному «берегу». Ничего особо примечательного на этом

участке не было. Просто широкая полоса тротуара с газонами по боках, огороженными чугунным заборчиком. По странному совпадению, здесь не было даже ни одного магазина.

К чувакам и чувихам постепенно подтянулись обычные пацаны и девчонки, и стал Бродвей местом ежевечернего паломничества молодёжи всего Центрального района. Скажем, старшекласники, разъезжаясь из спортивного лагеря или зимнего дома отдыха, вместо обмена адресами и телефонами говорили новым знакомым: «Встретимся на Бродвее!» и встречались без проблем.

Здесь же можно было запросто встретить знаменитых хоккеистов «Металлурга», уступающих в популярности разве что космонавтам. Крепкие парни в одинаковых шарфах и без головных уборов, аккуратно подстриженные и как бы только из душа, стояли, окружённые знакомыми – пожимали руки, обменивались репликами, громко смеялись. А снаружи набегала и теснилась толпа юных фанатов с горящими глазами. Герои приходили в смущение от всеобщего внимания и аккуратно выбирались из толпы. А через сотню метров, стоило хоккеистам встретить новых знакомых и приостановиться, повторялась та же картина.

Персонажи встречались разные. Как-то приятель показал знаменитую проститутку Валу Типографскую (назову её так: истинные имя и прозвище уже забылись), «прославленную» на весь город фельетоном в «Кузнецком рабочем». Ну, показал и показал. Ничего особенного не отложилось в памяти комсомольца и участника физико-математического кружка.

При хорошей погоде по Броду во встречных направлениях двигались две колонны – нечто похожее на театральные променады во время антракта, но в большем масштабе. Вот типичная картина. Девчонки восьмого или девятого класса, взявшись под руки и плотно сжавшись боками, занимают ровно половину ширины тротуара. За ними рыхлой стайкой идут пацаны. Один совсем по-детски яростно сшибает прутиком листья с кустарников, двое других ломкими голосами выкрикивают остроты, а остальные поддерживают их смехом. Девчонки молчат, потом их шеренга свивается в полукруг, они, склонив головы, перешёптываются – и словно взрываются дружным хохотом. Пацаны пытаются понять, которая из их реплик вызвала такую бурную реакцию, даже спорят, а потом своеобразное общение продолжается в том же духе.

Брод бурлил до 22-30. Потом группы школьников начинали понемногу рассасываться, а с началом 11-часового заводского гудка – только пятки сверкали: муравьишки стремились домой до закрытия муравейника. После этого появлялась незаметная до того момента милиция, чтобы заняться немногими повисшими на чугунных заборчиках бухариками, забывшими, где они и куда им надо.

Фесик

Однажды мы с пацанами вышли с утреннего сеанса и на обширной площадке возле кинотеатра «Коммунар» увидели оживлённую толпу. Выяснилось, что здесь проходят соревнования автолюбителей по фигурному вождению собственных автомобилей. Посмотрели, как «Москвичи», «Победы» и редкие тогда «Волги» огибают нехитрые препятствия в виде лежащих покрышек, и хотели идти домой, как вдруг я увидел знакомое лицо. Фесик! Или Феликс, один из известных бродвейских персонажей.

А вот и его отец – не менее известный в городе преферансист и директор чего-то торгово-снабженческого на уровне города с полумиллионным населением. Шикарный мужчина в самом соку. Приличный рост: не шесть футов, конечно, но и не пять. Слегка выющиеся тёмные волосы с начинающимися залысинами, выгодно открывающими высокий лоб. Кустистые брови над всё понимающими семитскими глазами. Умеренный шнобель. Сизый подбородок и едва приметная розоватость щёк, скорее как признак недавней молодости, чем предвестие старческого румянца. Покатые плечи обтянуты добротным блейзером неярких тонов, скрывающим неизбежный при сытой жизни животик. Ниже – брюки от хорошего, недавнего выходного, костюма из твида в селёдочную кость, допущенные хозяйственной женой к ношению в гараж. Золотозубая улыбка в адрес знакомых,

чередующаяся на холёном лице с высокомерно оттопыренной нижней губой в адрес всех остальных. В правой руке – американская сигарета, из-под дыма которой матово проглядывает массивный перстень взамен обручального кольца, а левая рука меланхолично поглаживает фигурку летящего оленя на капоте машины. В кармане блейзера – не надеваемая на голову светло-серая в диагональную полоску отечественная кепка как символ принадлежности славному племени простых автолюбителей.

Так вот от кого унаследовал Фесик свою нижнюю губу, хорошо известную всему Бродвею! Но на этот раз облик Фесика был иным: где могучие плечи, подчёркнутые клетчатым пиджаком на вате? Синяя с белой полосой олимпийка и приличествующие случаю чёрно-белые кеды «Два мяча» беспощадно обнаружили полное отсутствие атлетической фигуры. Но самым поразительным был даже не тщедушный вид, а тот несомненный факт, что сынок шнурковался перед папашей! Как бы одаривал его самой сладчайшей улыбкой, радостно демонстрировал полную бесхребетность.

И отец великодушно вручил сыну ключи от «Волги», предоставив тому возможность публично испытать свои умения. Ага, вон в чём дело! Сегодня мальчик как-нибудь объедет покрышки, завтра получит права, а послезавтра – один из немногих! – будет катать чувих на папиной «Волге». Ловко!

Фесик уже завёл двигатель, когда отец подал ему через окно светло-серую кепку. Кепка оказалась Фесику велика, он как бы огорчился и аккуратно положил её на пассажирское сидение. Дальше нам смотреть было не на что.

Довгаль

Довгаль – высокий парень спортивного телосложения с красивым и наглым лицом. Популярный бродвейский персонаж, известный мне заочно по рассказам школьных знакомых, живших с ним по соседству. Он считался удачливым игроком в картишки, но мой одноклассник Вострик пояснил, что в их доме устроена «малина», где Довгаль и его друзья обыгрывают фраеров в буру, ази и очко.

Довгаль считался меломаном, имел хороший магнитофон и много записей. Мне говорили, что при знакомстве с девушками (каждый вечер новыми) он изображал из себя ценителя музыки и всего прекрасного, приглашал на квартиру, якобы послушать музыку, а на самом деле тащил в постель. Предпочитал молоденьких. Выходил из себя, если свидание срывалось.

Но это всё – с чужих слов. А ведь однажды довелось встретиться лично.

Мы бы его даже не заметили, но он сам сказал: «Привет, чувачки! Греетесь?» и проследовал наверх, насвистывая бодрый мотивчик и шагая через две ступеньки. «Грелись» Можар с Рыбой, изображая чудовищный гибрид борьбы с боксом, а остальные подбадривали. «Довгаль к Чипуре пошёл», – догадался Чибя, имея в виду чувиху Галку, а не её брата Юрку, тоже Чипуру, за долговязость именуемого также Мослом. Мосол на чувака не тянул и был скорее приклатнённым: «сесть» ещё не успел.

Сунув провозвестникам нынешних кик-боксёров их пальто и шапки, мы уютно устроились на подоконнике обсуждать перспективы отношений чувака с чувихой. Тут дверь подъезда опять хлопнула, и появились урки: Хаба с братом. Оба в полупальто-москвичках без пуговиц, запахнутых на блатной манер; Хаба в кепке-восьмиклинке с оторванным «нахлебником», брат в чёрной шапке, как у морского офицера, но старой. Хабу мы знали: мрачноватый и косноязычный дебил, как сказали бы сейчас, но особо не боялись. Его старшего брата мы видели впервые, даже кличку его не знали, но уже слышали, что он недавно «вышел», и это считалось серьёзным. Так что мы на всякий случай примолкли, когда он приблизился к нашей площадке. Спросил, дома ли Мосол, мы не знали, и он отправил Хабу наверх, а сам, не углядев себе места среди нашей тёплой компании, вышел курить на мороз.

Когда дверь за ним захлопнулась, мы слышали какой-то шум наверху, а затем – топот бегущего Хабы. Мимо нас он пролетел, отворачивая вбок и прикрывая кепкой расквашенную

морду. В окно мы увидели, что брата на крыльце нет; Хаба напялил кепку, покрутил головой, высматривая брата, и быстро скрылся за углом.

Минут пять стояла тишина, потом буквально на цыпочках спустился Довгаль. Мы решили, что надо как-то помочь популярной личности Бродвея, одному против двоих, и высыпали на крыльцо, а потом за угол. Вблизи братьев не было. Довгаль закурил и на своих длинных ногах пошёл мимо школы. Братья прятались за толстыми стволами тополей и напали с двух сторон. Какие-то удары достигли цели, но схватить его им не удалось, и он умчался. Братья тоже ушли, прихватив оброненную Довгалем шапку.

Время было позднее, но мы не расходились, горячо обсуждая увиденное. Появился Юрка Чипура, и мы вкратце рассказали ему, что тут было. Юрка хмыкнул, увидел приближающихся Хабу в новой шапке и его брата и поднялся с ними домой. Через некоторое время подошёл Довгаль с тремя парнями, остановившимися в стороне. Уточнив диспозицию, Довгаль велел нам помалкивать. Мы сочли это пожелание разумным и вернулись в подъезд погреться. Из окна двор был виден, как на ладони.

Бригаде Довгалья не пришлось долго мёрзнуть: братья вскоре пробежали мимо нас, выскочили из подъезда и попытались спастись бегством. Парни за ними. Хаба упал и получил несколько ударов палками и ногами. Его брату тоже досталось, но он всё-таки убежал. Четверо постояли над Хабой минуту, забрали шапку и смылись. Брат не возвращался. Мы вышли из подъезда и приблизились. Хаба лежал вниз лицом на заледенелом асфальте и не шевелился. «Довгаль убил Хабу», – поняли мы и с приближением взрослых быстро разошлись по домам. По большому счёту, мы были законопослушные пацаны, но по малому – не очень, и мусоров избегали.

(2011)

[В начало](#)

Чимкентский каботаж

Затаённая ненависть к начальству составляла заметную часть межличностных отношений в Советском Союзе. Проработав в лаборатории Ю.К.Чернова 20 лет без трёх месяцев, то есть почти половину своего трудового стажа, я поначалу довольно долгое время и в довольно значительной степени воспринимал его как своего... если не классового врага, то как социально противостоящий мне элемент – точно! Судите сами: с одной стороны – пропасть между уровнями моей и его зарплаты, а с другой – средоточие всех возможностей для сокращения этой пропасти в руках не у меня, заинтересованного в этом сокращении, а у Чернова. И много оснований подозревать его в незаинтересованности.

А как ещё расценивать мне регулярные отправки на прополку, на уборку урожая или погрузку, начавшиеся в первый же весенне-летне-осенний сезон после поступления в НИИ «Казмеханобр», вместо ожидаемого поручения внятной работы по моей специальности с реальной перспективой защиты диссертации? Кто-то скажет, что такова была воля Партии и Правительства, а Чернов служил лишь передаточным звеном. Да, но насильственной отправки в «колхоз» я не знал с первого курса НГУ, когда нас отправили на картошку, то есть без малого 10 лет. Моё единственное участие в стройотряде после первого курса было чисто добровольным, а после универа почти пять лет я проработал на «порядочных» комбинатах – в Ангарске на нефтехимическом и в Алма-Ате на домостроительном – оттуда на сельхозработы людей не гоняли. А тут, приглядевшись, я осознал с унынием, что по возрасту и другим параметрам являюсь претендентом № 2 на все эти колхозные отвлечения (номером первым был лаборант Павло, которого позже сменил лаборант Юрко), и эта позиция дана мне надолго. Ненависть, как и симпатия – эмоция иррациональная, и неудивительно, что моё недовольство системой было персонифицировано.

Что касается основной работы, то в перерывах между отправками в «колхоз» (в широком смысле этого слова: включая просторы сельских угодий и сумрачные своды

городских овоще-гноилиц) я занимался настоящим делом в рамках научных работ, руководимых моими старшими товарищами. Я, конечно, сознавал, что пять лет стажа «на стороне» не обязывают шефа предоставить мне немедленно самостоятельную тему, и работал «на подхвате». Впрочем, работал увлечённо, с приложением творческих способностей и с надеждой на отыскание «своей» темы.

Возникавшее при этом душевное равновесие частенько нарушалось: то настойчивым проявлением явного несоответствия моей зарплаты потребностям молодой семьи, то очередным обсуждением коллегами нашего общего начальника за его спиной. Довелось услышать, что диссертацию ему «сделали», а сам он «не петрит», ну и так далее. А мой предвзятый взгляд находил и другие отрицательные детали. Например, раздражало, что Чернов потакал институтским алкоголикам, расплачиваясь спиртом со столярами – за книжный шкаф для домашней библиотеки, а с токарями-слесарями – за железки для машины и дачи. И ведь доставал где-то спирт на эти цели!

* * *

Но хватит негатива. Стоит дать более объективную информацию, насколько она мне известна. Юрий Константинович Чернов родился в 1933 году, то есть был старше меня на 12 лет, или на полпоколения. Он вырос в Днепропетровске и ещё в школе стал заядлым книголюбом, превратившись в зрелые годы в знатока как классической, так и современной литературы. Закончил Бакинскую мореходку и участвовал в учебном походе на парусном корабле из Черного моря вокруг Европы в Балтийское. Прослужить штурманом¹ подводной лодки Чернову пришлось недолго, так как при Хрущёве произошло серьёзное сокращение военных кадров, но раннюю лысину Ю.К. получить успел, а чёрный флотский китель и офицерский кортик сохранил и гордо носил по праздникам.

Чернов женился на выпускнице ленинградского вуза, родители которой жили в Алма-Ате, а после вынужденной отставки быстренько закончил заочно что-то гражданское и при поддержке московского доктора-профессора, курирующего магнитную обработку по всей стране, возглавил вновь созданную одноимённую лабораторию в Алма-Ате. Подробностей того, как это произошло, я не знаю: как они нашли друг друга – где море, а где магнитная обработка? где Москва, а где Алма-Ата? И как его назначили завлабом без степени (диссертацию он защитил позже)? Но это всё – до меня.

А что при мне? Да много чего. При мне сложился ставший традиционным тост «Хай живе магнитно працювання!» на украинском языке – в честь украинских корней завлаба. Обогащителей и физиков в лаборатории было примерно поровну, но обогащители, защитившись при содействии «папы» (того самого доктора-профессора), по разным причинам уходили, а физики накапливались. «Папа» постарел и с годами отошёл от дел, а физики, так и не нашедшие оснований для создания внятной теории магнитной обработки водных систем и поневоле защищавшиеся по обогащительной специальности, настояли на переименовании лаборатории (но тост остался!).

Чернов не был ни физиком, ни обогащителем, и в этом вопросе занимал позицию вялого сопротивления. Ортодоксальные «магнитчики» из других городов сочли, что он повёл себя недостойно: изменил заветам «папы», пошёл на поводу у фронды¹. Но время показало, что стратегически он поступил правильно: отказ от доминирования одного, исчерпавшего себя направления, дал импульс новым идеям, связанным с иными физико-химическими воздействиями, среди которых были и близкие мне идеи. Вслед за свежими идеями появились свежие кандидаты наук, а ведь это – вполне объективный «плюс» к оценке работы завлаба.

* * *

Ощувив новые возможности для своего роста, я параллельно осознал, что позиция «претендента № 2» мною утрачена, и антипатия к Ю.К. постепенно рассосалась. Более того, в третий раз в своей жизни я подпал под влияние человека, прочитавшего книг больше меня и ставшего – возможно, не зная об этом – лоцманом¹ (или всё-таки штурманом?) в море художественной литературы. Первым в этой роли был сосед по дому Серёга Шапоренко,

пересказывавший нам, пацанам, тома А.Дюма, Дж.Лондона и избранные страницы Г.Мопассана. Вторым, во времена студенчества – Эдик Белецкий, открывший мне глаза на прозу И.Бабея, М.Булгакова, А.Солженицына, Г.Бёлля и драматургию Б.Брехта. Ну, а Чернов стал третьим: отвратил от погони за «макулатурными» изданиями, «сделал PR» В.Набокову, Ю.Домбровскому, В.Орлову, В.Дудинцеву, Л.Лиходееву, Ч.Айтматову и почему-то отповедь – псевдоисторическим романам В.Пикуля. Честно говоря, я так и не понял, что не поделили два моряка?

Ю.К. выделялся из всего состава руководимой им лаборатории гуманитарными повадками, как бы забывая, что он – кандидат всё-таки технических наук. Это проявлялось не только в литературных спорах. И ещё: существует специфический вид научной деятельности – написание заявки на изобретение. Здесь не оценим метод мозгового штурма¹, каждый участник которого смело и без оглядки на авторитеты вбрасывает свои идеи насчёт содержания предлагаемой заявки. Вообще советскому менталитету мозговой штурм близок тем, что это тот редкий случай, когда инициатива не наказуема. Но Чернов для этой стадии работы подходил просто идеально. У него, как ни у кого другого, было развито ассоциативное мышление; он, уподобившись почитаемому им Стендалю, сам себя позиционировал дилетантом¹, но дилетантом с инициативой, и его участие в штурмах приносило успех.

Так что Ю.К. зарекомендовал себя как отличный штурмовик¹ (или опять-таки штурман?). Когда дело дошло до работы над несколькими изобретениями, идея создания которых принадлежала лично мне, я, не колеблясь, втянул его в число соавторов, и почти по всем заявкам мы получили положительные решения.

Были и другие поводы для благодарности Ю.К., а главный из них – помощь в защите диссертации. Чернов сам свозил меня сначала в Ленинград, а когда не получилось в Ленинграде, то в Москву, чтобы с рук на руки передать почти готового диссертанта авторитетному научному руководителю – члену одного из Советов по защите диссертаций. Но это – тема для отдельного рассказа. А сейчас мне не терпится добраться до одного забавного эпизода с участием нас обоих.

* * *

После защиты диссертации моя активность не снизилась, и появлялись всё новые идеи по использованию разработанного мной метода. В частности, для переработки нефтяных шламов – то есть в совершенно отличной от родной цветной металлургии области техники. В лабораторных условиях были получены весьма обнадеживающие результаты, а на Чимкентском нефтеперерабатывающем заводе – подтверждение того, что проблема переработки шламов для них актуальна. Чтобы выдать внятный технологический регламент, мне нужно было знать количество накопленного шлама и его состав («хозяева» этого сами не знали), то есть провести обследование.

Я набросал эскиз пробоотборника и понял, что нужно некое плавучее средство для заплыва по акватории отстойника - шламонакопителя, с которого можно было бы погружать пробоотборник в толщу шлама для отбора проб в нескольких точках с разной глубины. До этого момента работа шла вне темы, на инициативной основе, но теперь пришла пора выйти из тени, и я пришёл к Чернову, заявив заодно, что мне понадобится напарник.

Неудивительно, что Ю.К. оценил перспективу вхождения в новую для нас отрасль. Меня удивило другое: Чернов сам пожелал стать моим напарником! Я попытался схохмить и чуть не сказал: «Будете на подхвате?», но вовремя удержался и с той же улыбкой произнёс: «Будете капитаном?» – «Нет, шкипером¹!» – в тон мне, но с учётом профессиональных тонкостей, ответил он, и мы посмеялись. Плавсредство мы назвали попросту плотом, но при обсуждении деталей его конструкции прозвучали слова «палуба», «фальшборт», «стойчивость», «водоизмещение» – всё, как полагается у моряков. Ну, и «каботажи¹» – а как же без юмора!

* * *

И совместная командировка состоялась. В поезде я вспомнил свою чуть было не сорвавшуюся с языка фразу и поведал Ю.К. историю, которую слышал от своего бати. Он вырос в Красноярске, дворы которого регулярно обслуживали ассенизаторы с огромной бочкой на телеге. Мастер орудовал черпаком на длинном черенке, а его подручный (внимание!) был НА ПОДХВАТЕ. Ну, вы понимаете: черенок или шест длинный, горловина бочки узкая, а попасть в неё надо по возможности аккуратно... Чернов оценил по достоинству юмор невольной аналогии с тем, что предстояло нам, но, отсмеявшись, спросил, не забыл ли я захватить резиновые перчатки. «Да, две пары электротехнических: они длиннее», – ответил я, довольный произведённым эффектом, и продолжил батину хохму. Якобы булка в форме сумки с ручкой была придумана специально для ассенизаторов. «Сумка» съедалась без отрыва от работы, а «ручка» бросалась нищим. Рассказал и вспомнил, как мама фыркнула в этом месте батиного рассказа...

После традиционного посещения высокого начальства НПЗ мы явились на очистные сооружения. Там нами был предъявлен эскиз плота, для которого нужны были две пустые 200-литровые бочки, небольшой настил с ограждением, длинная верёвка (Чернов меня поправил: «Не верёвка, а конец!») и шест для специального пробоотборника, который мы привезли с собой.

Чтобы не висеть над душой у исполнителей, мы оставили их выполнять простое задание, а сами отправились на Чимкентский базар. Чернов выбрал отменный говяжий язык, к нему мы купили картошки и овощей и двинули было в гостиницу, но я увидел ряды, где мужики продавали «железо», и потянул Ю.К. туда. Он тоже заинтересовался, и мы обстоятельно всё обошли. Это было в период галопирующей инфляции, и цены по сравнению с алма-атинскими показались нам просто смешными. Помнится, я купил несколько килограммов «железа», да и Чернов тоже что-то взял. Не то чтобы я жил до этого совсем без инструмента, но у нас как раз появилась дача, так что пополнение было необходимо.

Гостиница была ведомственная, то есть зачуханная, зато у дежурных можно было запросто добыть кастрюлю для варки языка, разделочную доску и прочее. А также чистый таз для Чернова, который дважды в день обливался холодной водой по системе Порфирия Иванова, обязательно стоя босиком на голой земле и произнося «Детку»¹. Ну, у каждого свои причуды...

С водкой в те годы была «напряжёнка», но у нас с собой было: Чернов славился приготовлением бальзама по собственному рецепту, настаивая на нескольких травах часть доставаемого им спирта. Так что ужин получился знатный: из свежих продуктов, приготовленный своими руками и с тостом за будущие успехи.

* * *

Когда плот был готов и благополучно спущен «на воду», сбегалась приличная толпа местных гавриков посмотреть на двух кандидатов наук, собравшихся поплавать по отстойнику. И мы этим умело воспользовались: нам был нужен кто-то третий, чтобы занести конец на ту сторону отстойника, оттянуть плот с экипажем от берега и надёжно закрепить конец, чтобы мы потом могли самостоятельно пересечь акваторию и причалить. Надо сказать, что Ю.К. безо всякого стеснения «позировал» толпе, всем своим видом показывая, что только так и надо действовать, как было нами задумано. Пожалуй, зрители ожидали, что кто-то свалится за борт, или несогласованности и истерик, но не дождались и разошлись, несколько разочарованные. Нас это устроило, так как с пробоотборником возникли небольшие проблемы, а нам не хотелось выносить сор из избы. В конце концов мы с проблемами справились, правда, потребовался второй заплыв. Кстати сказать, роли мастера и подручного мы исполняли попеременно.

Работать с длинным шестом, теснясь вдвоём на крохотной площадке, тем более в жару, тем более над папахивающим отстойником, оказалось довольно утомительно, и к концу дня мы были никакие. Не было не то что сил, а желания отнести отобранные пробы в заводскую

лабораторию для стандартного анализа. Мы задвинули ящик со своими баночками в какой-то закуток, умылись, переоделись в цивильное и вяло направились домой.

Молчали всю дорогу, пока не увидели бочку с пивом недалеко от гостиницы. И здесь без лишних слов поняли друг друга. Я, как более молодой, пошёл вперёд добывать у дежурных трёхлитровую банку, а Чернов присел в тени отдохнуть на свежем воздухе. Взяли пива, принесли домой и с удовольствием эту банку приговорили под остатки вчерашнего языка. Всё бы неплохо, но я, видать, поторопился хватануть холодного пива, будучи разгорячённым, и наутро заболело горло – поначалу слегка.

* * *

Этот день не был насыщенным: на очистных мы сообщили, что плот больше не понадобится, забрали свою рабочую одежду, поблагодарили всех за содействие и распрощались. Пробы мы отнесли в лабораторию, договорившись, что результаты анализа нам пришлют. Основная программа была выполнена, билеты на завтра куплены заранее. Я хотел посетить битумный цех, но Ю.К. решил, что я неважно выгляжу, отговорил меня и отвёз в гостиницу. Видно, и сам вчера намаялся.

По дороге мне пришла в голову мысль: а не полечиться ли мне от начинающейся простуды методом Порфирия Иванова? Когда-то ведь я и в проруби плавал... Чернов меня с жаром поддержал и проинструктировал. Я взял таз, разделся, встал в душе на цементный пол, наполнил таз холодной водой, подышал, настроился – и опрокинул его на себя. Заорал, конечно, и сразу стало жарко! Но я решил, что не совсем чётко выполнил движение, и много воды пролилось мимо – и для верности повторил процедуру. Ю.К. был очень доволен, что нашёл во мне нового адепта¹ его любимой системы.

Не уверен, что помогла именно система. Может, просто сон? Я отлёживался до поезда, в поезде – тоже, хотя меня изрядно трясло и ломало, и Чернов поил меня чаем, продолжил отлёживался дома в субботу-воскресенье, зато в понедельник вышел на работу вполне здоровым. И мы с Ю.К. охотно рассказывали всей лаборатории про свой заплыв по отстойнику.

Это была последняя содержательная командировка (были ещё поездки для защиты отчётов по законченным работам). Союз развалился, финансирование науки сходило на нет. Осенью 1993 года меня пригласили на работу в министерство, и отказаться от 2,5-кратного повышения зарплаты я просто не мог, так что долго раздумывать не пришлось. Передо мной ушли из лаборатории все кандидаты наук, кроме Чернова; он, как капитан терпящего крушение корабля, ушёл последним – на пенсию. Вскоре наша лаборатория прекратила своё существование, а немногие оставшиеся сотрудники перешли к соседям.

* * *

Дачи давно нет, а инструмент, купленный в Чимкенте, сохранился и напоминает о той командировке. Но непосредственным поводом к написанию рассказа послужила спутниковая карта Чимкента и его окрестностей, на которой я, спустя почти 20 лет, без труда нашёл завод, здание лаборатории, очистные сооружения и тот самый отстойник. Плота на его акватории, конечно, не было.

(2011)

[В начало](#)